
Даша Коэн
Мое сердце
в тебе бьется

Даша Коэн

Моё сердце в тебе бьётся

«Литнет»
2023

Коэн Д.

Моё сердце в тебе бьётся / Д. Коэн — «Литнет», 2023

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ НА БУМАГЕ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "FREEDOM"У нас было много общего. Детский сад, школа, институт и одна на двоих ненависть. Цель его жизни - меня извести. Моя же - никогда его больше не видеть. Кто победит в этом противостоянии? Его жестокие шутки, издевательства и сплетни или мое тотальное к нему равнодушие? Ответ очевиден - он не заставит меня чувствовать, мне на него плевать. Хэй, Соболевский, ты слышишь? Мне на тебя фиолетово!

© Коэн Д., 2023
© Литнет, 2023

Содержание

Пролог 5
Глава 1 – Бантик 8
Глава 2 – Пломбир 10
Глава 3 – Школа, школа, я скучаю… 15
Глава 4 – Тряпка 18
Глава 5 – Просто такая сильная любовь… 22
Глава 6 – Надя умирает последней 25
Глава 7 – Никогда не говори «никогда» 28
Глава 8 – Первый блин 31
Глава 9 – Не хочу, не буду! 34
Глава 10 – Кина не будет! 37
Глава 11 – Обещания нужно выполнять 40
Глава 12 – Под раздачей 42
Глава 13 – Что-то невероятное! 45
Глава 14 – Тайный поклонник 48
Глава 15 – Козерог – это я… 52
Глава 16 – Точка? 55
Глава 17 – Кажется, да… 59
Глава 18 – Новенький 62
Глава 19 – Ну, привет… 65
Глава 20 – Против правил 73
Глава 21 – Поворот не туда 76
Глава 22 – Утро вечера мудренее 84
Конец ознакомительного фрагмента. 85

Пролог

– Лида, слушай, что-то я как-то опять резко передумала. Давай-ка ты это... разворачивайся!

– Опять?

– Да, – закивала я отчаянно.

– Да сколько ж можно-то, Алёнка? – почти взорвалась праведным гневом моя лучшая подруга, а я с отчаянием на нее посмотрела.

– Ну, чего я там делать буду, а? Куча пьяных дегенератов во главе с Ним. И я. Это вообще не монтируется, Лид!

– Все, заглохни, Княжина. Надоело. Мы почти приехали, и у тебя нет выбора. Только остаться, – прищурилась подруга и лихо зарулила на показавшийся между елей съезд.

Черт!

– Лид, – протянула я.

– Не-не, отвяжись! Мы едем веселиться. Веселиться — ты знаешь значение этого слова, подруга?

– Он все обосрет, вот увидишь! У Соболевского к этому талант. Нет, не так — талантище! – Ии где-то за ребрами у меня заныло и потянуло. От страха и нежелания терпеть корявые выгибоны моего заклятого врага.

– А ты в который раз сделаешь морду кирпичом и выведешь его из себя своим пуленепробиваемым равнодушием, – хохотнула Лида и покачала головой.

– Чего смешного? – с отчаянием уставилась я на нее исподлобья.

– Да то, Аленка! Девчачья половина универа обожает Никиту Соболевского, за право быть его девушкой выстроится очередь как в Мавзолей. И только у тебя одной с этим парнем настолько глобальные проблемы, что хочется вас обнять и плакать.

– Потому что я единственная, кто знает его гнилую суть! – потрясла я кулаками в воздухе.

– Ну, я-то тебе верю, Алёнка, можешь не рефлексировать, – пожала подруга плечами.

– Вот! Раз веришь, тогда давай-ка, разворачивайся побыстрее и погнали обратно в город.

Смешок, и машина вдруг заглохла, а я затравленно оглянулась.

– Все, Княжина, приехали! Назад дороги нет.

Ох, знала бы я тогда, как катастрофически она права…

– Алёна, ну вот ты открой козырек, – и я тут же сделала так, как она меня попросила, – а теперь зеркало смахни., – Ии я снова послушалась. – А теперь посмотри внимательно. Что ты видишь?

– Себя, – недоуменно уставилась я в свое отражение.

– Ты красотка, Княжина. Красотка! Я сама тебе бы завидовала, если бы не любила как сестру. Волосы — отпад. Глазищи в половину лица. Ресницы — мечта любой девчонки. И губы такие, что Анджелина Джоли молча курит в сторонке. Про твою фигуру я вообще молчу. Ведьма!

– И к чему эти дифирамбы? – насупилась я, не понимая, где она увидела тут красоту писаную.

– К тому, что давно пора от Соболевского не бегать, а охмурить его.

– Охмурить?

– Ну да, – кивнула Лида.

– Господи, бБоже ты мой, зачем?

– Что значит, зачем, Княжина? Чтобы он влюбился в тебя без памяти и перестал уже издеваться над тобой., – иИ Лида мстительно прищурила карие глаза.

– Чур меня, чур, – перекрестилась я, – пусть лучше ненавидит, чем любит. Ой, какую гадость ты сморозила, подруга. Ой, ужас. Дикий кошмар! – Ии отряхнулась, будто бы по мне ползали толстые, упитанные тараканы.

Но от моих слов Лида почему-то заливисто рассмеялась, а потом открыла дверь, впуская в салон прогретый июньский воздух.

– Пошли, Княжина! – все еще хихикала подруга.

– Пошли, Нечаева, – смиренно кивнула я девушке и вышла из авто.

И тут же попала в плен Его глаз.

Он смотрел чуть насмешливо, как обычно смотрят на глупую муху, что пытается влететь в окно через москитную сетку. Долго забавляться не стал и почти сразу же отвел взгляд, продолжая, по всей видимости, до боли интересный разговор со своими прихвостнями. Я же, в свою очередь, окинула его равнодушно и тоже отвернулась, чтобы достать вещи из багажника, отмечая тем не менее, что Соболевский, как обычно, выглядит на все сто.

Мажор хренов.

Прическа – волосок к волоску, трехдневная темная щетина на щеках, неправдоподобные черные глаза и прикид такой, будто он не на природу собирался, а на подиум, – демонстрировать новую коллекцию весна-лето.

Многие считали его красивым. Но только не я. Я реально ненавидела этого гада, буквально на дух его не переносила, но судьба год за годом сводила нас вместе, будто насмехаясь надо мной и моей антипатией к этому парню.

Парню? Простите, оговорилась.

Это чудовище!

– О, Нечаева, ты притащила с собой свою карманную зверушку?, – насмешливо спросил Соболевский, когда мы с Лидой начали подниматься по ступенькам.

– У тебя галюники, Никитка, тут никаких животных нет, – осклабилась моя подруга, решительно принимая боевую стойку.

– Лид, остынь. Соболевский сам как сплошной галюник, – устало буркнула я, – не трать свое время и силы на это недоразумение.

Компания парней, в ответ на мои слова, только переглянулась между собой, а потом любезно пригласила Нечаеву пройти внутрь базы отдыха, чем девушка тут же воспользовалась. А дальше, вслед за ней, крыльцо покинули и двое друзей Соболевского, оставляя нас одних.

– Х-м-м, смышленая, – протянул мой враг, – зверушка. Команды выполняешь?

Глаза в глаза, и улыбка, полная предвкушения, растянула его идеальные губы. И вновь я на тропе войны, и только одно оружие ударит точно в цель – равнодушие.

– Как ужасно здесь пахнет. По всей видимости, что-то стухло.

И только было я хотела последовать внутрь помещения вслед за остальными ребятами, как черноглазое чудовище перегородило мне дорогу и закрыло дверь, наклоняясь к моему лицу, и его слова полились зловещим шёпотом. А я вся замерла, как истукан, пораженная его неожиданной близостью и знакомым, ненавистным запахом хвои, дуба, бергамота и пряных яблок.

– Тебе здесь не рады, Княжина. Я тебе не рад. Такси вызвать или сама до города доберешься?

Подняла на него взгляд в ожидании продолжения, но заметила только то, как он улыбается. Томно, слегка прикрыв веки, обрамленные пушистыми, смоляными ресницами. Но в глубине его глаз не было улыбки, только дикий холод и стужа.

И мне бы послушать его и всего один раз в жизни сделать так, как он хочет. Но нет!

Я лишь поджимаю губы и хмыкаю, отводя взгляд в сторону. Не могу долго смотреть на него. Не хочу. Не буду.

Самоуверенный засранец!

Тычок в плечо, и я успеваю воспользоваться его секундным замешательством, чтобы открыть дверь и проскочить внутрь, напоследок полируя его колкой фразой:

– Да пошел ты!

В тот момент я чувствовала себя победительницей, той, кто в очередной раз поставила на место самого Никиту Соболевского. Знала бы я только, что сама себе подписала смертный приговор.

Эх, Аленка…

Глава 1 – Бантик

POV Алёна

– Я ненавижу тебя! – закричала что есть мочи на весь наш двор, и казалось, от злости у меня почти повалил пар из ушей оттого, что в ответ я услышала только издевательский смех.

И да, это выражение вылетело из моего рта впервые, но стало самым устойчивым в последующие годы по отношению к мальчику и, на мою беду, к моему соседу Никите Соболевскому. Мне было тогда всего лишь семь лет, но я насквозь пропиталась этим черным чувством и рьяно лелеяла его в своей душе. Я этого дьявола во плоти на дух не переносила!

Ибо он был ужасен!

Он переехал в мой двор, в мой дом и на мой этаж всего три месяца назад. А до этого два года пил мне кровь в детском саду: пугал в тихий час, прятал моих кукол и изводил обидными дразнилками:

– Алёна, Алёна – соплива и зелёна! – орал он как шальной. Или вот еще:

– Алёнка – целлофановая пленка.

– Алёнка – с мозгами напряженка.

И мое «любимое»:

– Алёнка – облезлая клеенка.

С тех пор я вся успела пропитаться негативом. Он циркулировал и словно разгонял кислоту вместо крови по моим венам. И это в жалкие семь лет!

Чудовище! И выглядит так же. Чумазый, совершенно неуправляемый мальчишка с непослушными темными вихрами на голове и черными как ночь глазами. Загорелый, как эфиоп. И с вечно разодранными в кровь коленками.

– Лёль, ты как? – спросила моя лучшая подруга Настя.

– Как я? Да я готова придушить этого… этого… этого дурака! – потрясла я руками в воздухе.

– Да уж, нашли развлечение. – И мы обе вытерли слезы страха на побелевших щеках.

Сегодня были бомбочки нам в ноги. Мы как раз играли в «сабже», сидя на крыльце дома, как послышался невообразимый по силе хлопок, а потом еще один и еще. Визгу было – ой, ни в сказке сказать, ни пером описать! А я, словно глупая гусыня, кинулась бежать, не разбирая дороги, и вписалась со всей силы в закрытую подъездную дверь. Больно!

Вот! Теперь шишка будет.

А еще вполне себе есть вероятность, что у всех у нас, девочек, на голове появились первые седые волосы. Это у меня сей срам будет не видно: я блондинка. А вот с остальными что делать?

Ой, Соболевский! Ой, гад!

– Я все маме расскажу, – заплакала еще одна несчастная потерпевшая из нашей компании, пухленькая и маленькая Соня.

– Ты что? Не смей этого делать, – зашикала на нее Настя.

– Она права. Если Соболевский получит от папаши ремня, то уже на следующий день нам придется несладко!

– А несладко – это как? – непонимающе округлила свои зеленые глаза Аня.

– Попой об косяк, – неопределенно взмахнула руками Настя.

– Именно так! – подтвердила я.

И да, Соня, живущая на два этажа ниже меня и проклятого мальчишки, все-таки нажаловалась родителям, а они, в свою очередь, донесли за проделки сына Соболевскому-старшему. Местный бандюган! И сын такой же растет! Ох, ну вот и зачем они сюда переехали?

Как итог, наутро получили отдачу все. Чертов Соболевский, как оказалось, поведал отцу, что просто ставил нас, зарвавшихся и невоспитанных девчонок, на место. Видите ли, Аня пнула дворового кота Федора, а Соня подначивала ее в этом и хохотала над тем, как пищит беззащитное животное. Настя отпустила матерное ругательство в адрес нашей престарелой и немного страдающей деменцией бабы Люси, а я вообще совершила немыслимое – поставила несчастной старушке подножку, и она больно ушиблась, упав на землю.

Надо ли вам говорить, что немощная женщина, даже не помнящая толком, как ее зовут, подтвердила слова отпетого хулигана? Да, так и сказала, смотря на меня и Настю с улыбкой агнца божьего, что мы и вправду творили с ней все эти непотребства.

В это самое время Соболевский с отцом стоял рядом и улыбался мне, как сам Сатана.

Я же впервые жизни слетела с катушек. Благо не в последний! Но да, в тот момент ненависть моя была столь сильна, что я бросилась на Соболевского в нестерпимом желании выцарапать гаденышу глаза! И орала в полную глотку:

– Я ненавижу тебя!

Сбила с ног, запрыгнула сверху и начала мутузить его что есть мочи, а он только смотрел на меня и хохотал, хохотал, хохотал…

Пока моя мама, добрейшей души человек, не отодрала меня с ненавистного мальчишки, а потом и не отчитала прилюдно.

До конца лета, а это почти целую неделю, я, как и остальные девочки, была под домашним арестом. И все по вине злобного гоблина Соболевского. Гори он в синем пламени! И этот засранец, пока я с тоскливым видом сидела на балконе, намеренно целый день мозолил мне глаза во дворе. Иногда взбирался на «ракету» и, смотря прямо на меня, поедал аппетитный рожок клубничного мороженого.

Как будто знал, что именно это лакомство является моим любимым.

Ох, в эти мгновения ненависть моя достигала апогея!

Но все эти мои страдания меркли на фоне того, что я узнала накануне своего первого учебного года.

Оказывается, я буду учиться с Соболевским в одной школе. И что всего хуже – в одном классе.

– Нет! – ревела я, со всей дури врезаясь маленькими кулачками в подушку, а смех подлого гаденыша звенел в моей голове.

Как следствие, первого сентября всю линейку я стояла с опухшими и заплаканными глазами.

И без одного бантика.

Его сорвал проходящий мимо дьявол во плоти и нагло усмехнулся:

– Привет, неудачница!

Если бы не мерзкий издевательский голос, то я бы его даже не узнала. Исчадие ада умыли, приодели в модный костюмчик и белоснежную рубашку, а еще состригли длинные чернявые вихры. Почти нормальный ребенок, если посмотреть со стороны, но я знала его гнилую суть. Вкусила ее сполна! Поэтому тут же вернула ему «любезность».

– Иди к черту! – зашипела я.

– Я с ним живу. – И его звонкий смех зазвенел в гулком холле школы и навсегда отпечатался у меня в воспоминаниях как самый мерзкий звук под аккомпанемент расстегиваемой молнии его рюкзака, в который он со злорадством запихивал мой белоснежный парадный бант.

Ненавижу!

Глава 2 – Пломбир

POV Алёна

Годы ада, насмешек, унижения и боли. А еще слез, что почти всегда проступали на моих глазах после стычки с ненавистным мне одноклассником и по совместительству соседом. И да, я прошла через все, что только можно было пройти.

И пресловутое дерганье за косички уже не казалось мне катастрофой, а реально стало наименьшим из зол.

Нет, не подумайте, сначала все было чинно и почти благородно. Соболевский сам вызвался сесть со мной за одну парту, что было для меня полной неожиданностью. Да, я сопротивлялась, но Марина Васильевна, наша первая учительница, так грозно посмотрела на меня, что в итоге я стушевалась и, кроме жалкого: «А может, не надо?» – больше ничего и не сказала. Благо сидели мы вместе недолго.

В первую же неделю обучения Соболевский зловещим шёпотом сказал мне посреди урока следующее:

– Княжина, по твоим волосам ползет здоровенный волосатый паук!

Естественно, я тут же подскочила на ноги и начала с диким визгом себя отряхивать под истеричный смех Соболевского, а потом и всего класса. Я орала как резаная, умоляла снять с меня ужасное насекомое, вертелась, крутилась, тряслась, как Каштанка, но получила только грозный окрик Марии Васильевны сесть на место и прекратить балаган.

Я не села, а только горько разревелась, не найдя помощи ни у кого из окружающих, а потом наотрез отказалась слушать урок рядом с невозможным мальчишкой, что планомерно продолжал отравлять мне жизнь. Именно таким образом моих родителей впервые вызвали в школу.

Видите ли, это у меня плохое поведение.

Видите ли, это я нарушаю дисциплину.

Видите ли, это я не умею себя вести.

Стыд и позор. Дочка библиотекаря и учителя музыки ведет себя неподобающим образом!

Клянусь, я пыталась оправдаться, но мама и папа только грозно смотрели на меня и качали головами, однако все же попросили отсадить меня от Соболевского как можно дальше.

– Дурная кровь, – поджимая губы, говорила отцу мама.

– Да и воспитание там оставляет желать лучшего! Нечего нашей Алёнушке сидеть с этим мальчиком. Не сегодня-завтра он пойдет по стопам своего отца и станет отпетым хулиганом, – согласно кивнул отец.

А мне хотелось вопить во всю глотку, что Никита Соболевский уже им стал – хулиганом, пакостником и шкодником! В общем, нехороший человек! Редиска!

Вот только то, что меня отсадили от Соболевского, никак не помогло мне скрыться от его нападок и плоских шуток.

Две четверти этот ненормальный изводил меня.

На физкультуре было хуже всего. Я была самая маленькая и худенькая из девочек, а еще немного неуклюжая, поэтому даже элементарные упражнения давались мне с трудом. Так что, как вы понимаете, подлому змеенышу доставляло особое удовольствие глумиться надо мной: ставить подножки, толкать и, самое эпичное, изображать пукающие звуки, когда только я одна выполняла какое-то упражнение.

И это было ужасно!

Я краснела, начинала оправдываться, а потом, не выдерживая смеха стаи гиен, убегала вся в слезах в раздевалку.

Единственное, что у меня получалось безукоризненно, так это бегать. И только этим, а еще похвалой от учителя я хоть как-то компенсировала свои обиды.

Таким образом, до зимних каникул несчетное количество раз меня дергали за косички и воровали бантики, задирали юбку, прятали мою сменную обувь и портфель, а один раз даже перечеркнули все имена на тетрадках, заменив их ненавистным мне словом «неудачница».

И каждый божий день я ходила в школу и возвращалась в компании своего заклятого врага. Он плелся сзади, отпускал сальные шуточки или горлопанил на всю улицу частушки унылого содержания:

Раз звонит Аленка мне,
Говорит: «В печали я:
Целлюлитные бока и украли талию!

Дома я спросила маму, что значат эти самые «целлюлитные бока»? Папа заливисто расхохотался, а родительница сдержанно пояснила суть, и я в бешенстве долбанула ложкой по столу. Ну ненавижу же! А ничего, что я тощая, как вобла?

Или вот еще:

Лёня Конюхов, бедняга,
Всю планету обошел,
Но уродливей Алены
Всё равно он не нашел!

Ну не дурак ли? Конечно, дурак! Но и после этих слов подбородок мой дрожал, а глаза наполнились соленой влагой. Вот только дела до моих обид никому не было. И я была вынуждена слушать это снова, снова и снова…

Ох, Алена, ты глиста!
Хуже – инфузория!
Папу, маму и себя
Взяла и опозорила!

Пришлось сверкая пятками убегать от этих непрезентабельных воплей, а потом снова рыдать в подушку оттого, что судьба оказалась так сурова ко мне – подкинула такого соседа. Хоть иди и помирай, честное слово!

А потом наступила репетиция новогоднего утренника, на котором тот самый Лёня, про которого Соболевский так ладно сочинил частушку, подарил мне открытку и мило (мило!) мне улыбнулся. Мне почти никто из класса не улыбался и уж тем более мило. И мне стало так тепло на душе и так хорошо! Я опрометчиво тогда подумала, что у меня все-таки, вопреки всему, появился настоящий друг, ведь мы всю репетицию сидели вместе. Лёня показывал коллекцию своих наклеек, а я рассказала ему про новую огромную мозаику, которую собираю уже второй месяц кряду. Было весело!

Пока в наш мир с прищуренными черными глазищами не втиснулся Соболевский. Он смотрел на нас долго и въедливо, зачем-то наигранно похрустывая костяшками пальцев. Б-р-р, ужас! Но тем не менее я поняла, что этот тип задумал что-то недоброе.

И так оно и было!

Уже на следующий день Лёня Конюхов со мной не разговаривал, не смотрел в мою сторону и уж тем более не улыбался мило. Зато скалился довольный Соболевский, залихватски закинув ногу на ногу. Вот только то, что случилось дальше, пошатнуло мой полный страданий, но устоявшийся мир.

После школы мы, по обыкновению, брели вместе. Я впереди, Соболевский телепался рядом. Как вдруг меня дернули за рюкзак и поволокли к ларьку с мороженым, что стоял по дороге домой.

– Ты чего? – завопила и замахала я руками. – Пусти! Пусти, дурак!

– Захлопнись, Княжина. Дело есть, – прошипел Соболевский и снова потащил меня в противоположном от дома направлении.

А потом купил два рожка с пломбиром.

И один протянул мне.

– Ты… ты чего это удумал? – сделала я шаг назад и насупила брови.

– Ты тупая? Я тебе мороженое даю, Княжина. – И уставился на меня своими черными шарёжками как баран на новые ворота .

– Уж не тупее тебя! И мороженое твое мне без надобности, – прищурилась я.

– Бери! – почти зарычал мальчишка.

– Не буду. – И еще один шаг назад.

– Бери! Я кому сказал?

– Не знаю, кому ты там и что сказал, но мне от тебя ничего не надо! – стояла я на своем.

– Ты офонарела? – Я на него, он на меня.

– Ты чё ко мне пристал? – вконец психанула я.

– Мороженое бери – и отстану!

– Засунь свое мороженое себе знаешь куда? – поставила я руки в боки.

– Ну и куда? – поджал он свои губешки и прищурил один глаз.

– В… в эту… в попу! – все-таки воинственно выдала я.

– Ах, так? – И Соболевский глубоко и судорожно выдохнул.

Псих ненормальный! А потом я вспомнила все его проделки за последние две четверти и мстительно ему улыбнулась.

– Хотя… а ты знаешь, давай, – благосклонно кивнула я.

– А? – недоуменно воззрился он на меня.

– Ты тупой? – отзеркалила я его вопрос.

– Уж не тупее тебя, – но сказал он это с такой широкой улыбкой на лице, что я сразу же напряглась.

Это какой-то розыгрыш! Ну точно! И как я, балда, не догадалась-то об этом сразу. Наверное, в кустах и его дружки школьные заседают, глумливо надо мной хихикая.

Оглянулась по сторонам, но ничего подозрительного не обнаружила, хотя и не разуверилась в том, что это исчадие ада не просто так вдруг тычет мороженым мне под нос. Ага, а то я наивная дурочка. Вчера обзывал меня инфузорией и глистой, а сегодня вдруг на него снизошло божье озарение?

Да три ха-ха!

– Клубничное, – зачем-то пояснил он и почти вплотную подошел ко мне, держа перед собой аппетитный рожок.

Блин! Клубничное! Мое любимое…

Моя рука потянулась к прохладному рожку, а потом и прикоснулась к его пальцам, что все еще плотно удерживали лакомство, и я чуть не зашипела от омерзения.

Фу, я дотронулась до Соболевского! А-а-а, спасите, помогите!!!

Но все эти мысли пришлось пропустить через себя, а потом и подавиться ими, между тем мило (мило!) улыбаясь своему злейшему врагу.

– Спасибо! – пропела я, аки ангел, и все-таки приняла рожок.

– Не за что, – по-собачьи наклонил голову Соболевский и пристально уставился на меня.

А в следующий момент, не дожидаясь от него подлых выкрутасов, я со всего маху и на зашкаливающем адреналине воткнула клубничное мороженое Соболевскому в его наглую и совершенно невозможную физиономию. А потом (да-да!) хорошенечко его там размазюкала, пока он пребывал в нирване от шока.

Правда, радоваться мне пришлось недолго!

Уже в следующий момент меня сшибли с ног и завалили в сугроб, а потом и скрутили по рукам и ногам, оседлав сверху.

Черт, какой же он был сильный!

Его пальцы, вонзились мне в щеки, а потом с болезненным нажимом на них надавили, вынуждая меня отрыть рот.

– М-м-м, – замычала я и попыталась брыкаться, но он только еще сильнее придавил меня тяжестью своего тела.

– Открой рот, Княжина, – вопил он, – открой!

И он добился своего, надавливая на челюсть все сильнее и сильнее, а потом начал запихивать мне в рот второй рожок с мороженым, приговаривая, как злобный гоблин:

– Ешь! Мое! Мороженое! Ешь!

– Не буду, – выкрикнула я.

– Будешь, я сказал.

– Нет!

– Да!!!

А уже в следующий момент я выдернула руку из-под его колена и со всей дури огрела его по голове пакетом со сменной обувью. Сильно!

– Ах ты! – схватился он за голову, а я, не теряя времени, во второй раз оприходовала его по измазанной мороженым черепушке.

– Получи, фашист, гранату! – завопила я.

– Да я тебя…

– И я тебя! – голосила я на всю улицу. – Ненавижу, Соболевский! Ненавижу!!!

– Дура! – отбивался он от меня, пока я отчаянно колошматила его всем, чем придется.

– Сам дурак. Мороженое! В декабре!

– Ненормальная! – скрутил он меня все же и закинул в сугроб, а я тут же хапнула свежевыпавшего снега.

– Ну и пусть! Но я ненавижу, и тебя, и твое мороженое! Чтоб ты им подавился! – Слепила снежок и, на удивление, запустила его прямо в его многострадальную морду.

– Ну все, тебе капец, Княжина! – ринулся он на меня, а я, перепугавшись, с визгом кинулась по снежным барханам в сторону дома, получая в спину один за другим болезненные удары спрессованного снега.

Но, увы, не заткнулась благоразумно, а продолжала выкрикивать ругательства в адрес своего врага, получая в ответ не менее обидные ответы:

– Мерзкий таракан!

– Плакса!

– Собачье рыло!

– Уродина!

– Сам урод!

– Гиена!

– Кошка драная!

Так бы мы, наверное, пререкались до самой пенсии, если бы стоящий на крыльце отец моего врага вдруг не пробасил на всю улицу:

– Никита!

Мы оба вздрогнули, а я даже икнула от страха.

– Это что такое? А ну-ка, быстро извинись перед девочкой!

Глаза в глаза, и только одно жесткое и категоричное слово срывается с его кривящихся в недовольстве губ:

– Нет!

Что было дальше, я даже слушать не стала, а что есть мочи припустила в сторону подъезда, волоча за собой порванный пакет со сменкой. Только слышала, что родитель громко отчитывает свое невозможное чадо, но что именно он говорил – мне было по барабану.

Благо дома не было никого и мой разнузданный внешний вид не стал ничьим достоянием, поэтому я неспешно, напевая веселую мелодию, разделась, умылась и причесалась, снова становясь похожей на порядочную девочку Алёну – умницу и отличницу.

Вот только было во всем этом одно огромное но. И если бы я знала о нем, то не стала бы после с блаженной улыбкой сидеть на диване и вспоминать, как вдавливала в ненавистное лицо мороженое, а потом и хлестала по буйной голове увесистым пакетом.

Ох, не стала бы.

Я еще этого не знала, но мне уже объявили войну.

Глава 3 – Школа, школа, я скучаю…

POV Алёна

Целых две недели новогодних каникул я предавалась праздничному настроению. Ведь добрый Дедушка Мороз осуществил мое желание – Соболевский исчез. Вот просто взял и испарился. Как потом говорили соседи во дворе, он со своим отцом на крутой машине уехал за город. Отдыхать.

«Вот бы он заблудился в лесу и не вернулся», – мечтала я, лежа на диване и разглядывая разноцветные огоньки на зеленой красавице.

Да, жили мы небогато. Библиотекарь и учитель музыки зарабатывали не так много, как, например, папаша Соболевского, который имел несколько торговых точек на местном рынке, а еще гонял из-за границы подержанные автомобили. И чего он забыл в нашем районе, раз такой богатей? Непонятно. Но еще я слышала, как родители говорили, что новый сосед промышляет некими темными делами, правда, что это такое – я не понимала, а потому просто обозначила для себя, что это то, про что смотрит папа, когда приходит домой и включает «Дежурную часть».

А как известно, яблоко от яблони недалеко падает. Вот и сынок растет таким же бандюганом.

Но все это была лирика, и уже новая учебная четверть наступала мне на пятки. А вместе с ней и моя райская жизнь готовилась лопнуть как мыльный пузырь.

Раз – и все.

Соболевский сказал «фас».

В первый же учебный день я уселась на пресловутые кнопки. Подскочила. Заверещала. Расплакалась.

Смеялись все, но только не Он. Этот демон во плоти теперь сидел на задней парте, сложив руки на груди, и хмуро смотрел на меня своими дьявольскими черными глазами. Ни тени улыбки. Просто взгляд исподлобья и ни одной эмоции на лице.

Бездушный робот! Ледяное изваяние, что принялось отравлять мне жизнь с усердием маньяка-рецидивиста. Стоило мне только расслабиться, как на моем стуле вновь оказывалась кнопка, а потом и две, а потом и пять.

А потом и клей! Он пропитывал насквозь мою юбку и колготки, а потом мерзко капал со стула на пол, отбивая похоронный марш по моему безоблачному будущему без забот и хлопот.

В тот момент я оглядывалась на гада-одноклассника и пронзала его карающим взглядом, но он только вопросительно поднимал брови – и это было все, что я могла от него добиться. Ему было плевать…

Да, тогда я еще эмоционировала. Плакала, просила наказать обидчика, начала жаловаться родителям, а те, в свою очередь, классной руководительнице и директору школы. Но никто из ребят не сознавался, кто именно выкинул очередную подлую проделку, а посему никто никого наказывать не стал.

Не пойман – не вор. Да и Марина Васильевна клятвенно обещала следить за поведением в классе.

Вот только не вышло у нее ничего.

Рваные тетрадки. Испорченные учебники. Обидные прозвища в спину или даже написанные и приклеенные на скотч к моему рюкзаку. Лохушка. Неудачница. Гномиха.

И извечный издевательский смех. Меня травили все. Пока чертов Никита Соболевский сидел на задней парте и смотрел на все с видом победителя.

Но даже сейчас, зная последствия, я бы не приняла то клубничное мороженое. И уж тем более не съела бы его. Держу пари, после такого моего прогиба все стало бы еще хуже.

В средней школе жестокие шутки пошли еще дальше.

– Алена? – окликнула меня учащаяся из параллельного класса.

– Да? – недоуменно подняла я глаза, кутаясь в широкий вязаный кардиган.

– Там девочке в цоколе помощь нужна. Лера Лямкина упала с треноги и, кажется, сломала ногу. Поможешь?

Да, мозги в тот момент у меня отключились как по щелчку. Со мной говорили! Меня просили о помощи девочки. Я так хотела завести подруг! Поэтому я без лишних слов клюнула на ржавый, сдобренный ядом крючок.

А потом и пошла туда, куда меня просили.

Подвальные помещения нашей школы вмещали в себя всевозможные подсобки и тренажерный зал. В последний меня и повела девочка, приговаривая:

– Ей так плохо, она так стонет. А я не могу одна справиться. Ты молодец, что согласилась помочь!

– Конечно, – бормотала я смущенно, – обращайтесь всегда!

– О, мы почти пришли, – махнула она рукой, призывая следовать за ней дальше.

– Она здесь? – нахмурилась я, когда девочка толкнула дверь туалета при тренажерном зале.

– Да. Скорее! – И пропустила меня вперед.

Секунда, и тусклый свет погас, а в следующее мгновение за спиной захлопнулась дверь и щелкнул замок. И громкий девичий смех разнесся по гулкому пустующему помещению.

По спине тут же пронесся табун испуганных мурашек, а вены забил страх вперемешку с паникой. Я оглянулась и кинулась к двери, но она ожидаемо была закрыта с обратной стороны.

Топот ног, восторженные повизгивания, и вот уже все стихло.

А я осталась стоять в кромешной темноте цокольного туалета и совершенно не понимала, что же мне теперь делать. Рука судорожно зашарила в недрах школьной сумки, а потом нащупала гладкий корпус моего потертого и подержанного сотового телефона. А что еще могла себе позволить дочка библиотекаря и учителя музыки? Это у Соболевского каждый год новая модель, одна лучше другой. Нашей семье такое не по карману.

И сети нет, подвал же. Да и заряд всего на десять процентов. Полчаса тусклого света, и единственный лучик надежды в темном царстве потух, а я вновь погрузилась в кромешную тьму.

И сердце билось где-то в глотке, выдавливая из меня слезу за слезой, хоть я и пообещала себе уже тысячу раз этого не делать. А еще я четко понимала, кто за всем этим стоит.

Соболевский.

По его милости я здесь. Из-за него все эти беды свалились на мою голову. Из-за его черных глаз девчонки сходят с ума. Пытаются порадовать своего короля, мучая меня и издеваясь…

Им весело. Ему весело. Остальное неважно.

Я просидела в темноте цокольного этажа почти два часа, пропустила контрольную по математике и диктант по русскому языку. И никто не хватился меня здесь, хоть я и орала на протяжении первого часа, почти не переставая. Конечно, сорвала голос.

Конечно, почти сошла с ума от обиды и ужаса.

Конечно, пообещала себе, что обязательно отомщу за каждую свою слезинку, что скатилась из моих глаз по вине ненавистного Соболевского.

Спустя время мне открыла дверь школьная уборщица и очень удивилась тому, что я сижу одна и в темноте. Я тоже удивилась. Я тоже…

Но, вопреки всему, ябедничать я не стала. Пришла домой и безапелляционно попросила родителей перевести меня в другую школу.

Мне отказали. Просто потому, что:

– Нет, я сказал!

Вот и все, что ответил мне мой отец.

И все продолжилось вновь, хотя я больше никогда и ни с кем из однокашников не заводила разговор до самого восьмого класса. Но до тех пор еще много воды утекло.

И моих слез…

Глава 4 – Тряпка

POV Алёна

В седьмом классе начался самый ахтунг. Иначе и не скажешь.

Девочки пришли после лета на линейку все похорошевшие, с ярко выраженными округлившимися формами. Все. Но только не я. Алена Княжина как была, так и осталась – доска, два соска. И в копилку моих оскорблений прибавилось еще больше обидных слов. Хотя в устойчивое обращение надежнее всего вошло пресловутое и банальное – Килька.

Я была самая маленькая в классе, хрупкая, немного неуклюжая и невзрачная. Со моими светлыми волосами, бровями и ресницами было немудрено, что это обидное прозвище ко мне так чертовски быстро приклеилось на суперклей. И пока все расцветали и привлекали внимание противоположного пола, я сидела и смотрела, как ненавистный Соболевский инспектирует свой курятник.

И да, я согласна была быть рыбой, но только не тупой курицей. Таких в нашем классе и нашей школе оказалось предостаточно, если не сказать больше. Они толпами ходили за моим заклятым врагом и только что в рот ему не заглядывали. А меня вот бог миловал. Да, немного жестоко оградил, но уж и на том спасибо.

Не могу себе представить ни одну реальность, где я бы могла позволить этому демону во плоти к себе прикоснуться.

И уж тем более смачно шлепнуть по заднице. Ужас! И уж тем более позволить зажать себя где-то в углу, чтобы потискать. Сущий кошмар! И уж тем более разрешить запускать себе руку под юбку и язык в свой рот. Какая гадость!

Смотреть-то на это было противно. Что уж говорить про остальное?

– Чего уставилась, Килька? – фыркнула, проходя мимо меня, первая красавица класса Алла Курочкина.

Говорящая фамилия так-то. Ну вы понимаете.

– Завидуешь? Слюни подотри, тебе там ничего не светит, – проинформировала она меня сразу, как только закончила обжиматься с Соболевским на входе в женскую раздевалку.

Я тут же опустила глаза. Лучше не нарываться. Маленького и беззащитного обидеть проще всего, и я это прекрасно понимала. Глупые и неполноценные люди – вот такие, как эта Курочкина, – самоутверждаются за счет таких, как я. И в ситуации, когда на тебя нападает такой противник, нужно просто быть умнее – дать ему подумать, что ты пасуешь перед ним. Что он герой, а ты какашка.

Так случилось и сейчас.

– О, наша Доска по Соболю, что ли, сохнет? – взвизгнула ее подружка Ника Ткачева.

Господи, прости! Откуда такие выводы?

– Куда ей еще сохнуть-то? И так уже как скелетина, – фыркнула Курочкина.

– Почему как? – протянула еще одна их подружка Дина Кабаева, и дружный хохот всей женской раздевалки заполнил маленькое помещение.

А я так и сидела, понурив голову, и смотрела в потрескавшуюся коричневую краску, коей был окрашен пол, пока вокруг творилась вакханалия. И я лишь молилась, чтобы все наконец-то уже закончили со мной и переодеванием, а потому оставили меня одну, чтобы и я смогла спокойно сменить школьную форму на спортивную.

– Но губа у нашей Кильки не дура, – ржал кто-то. А я даже уже не разбирала кто, все для меня слилось в мешанину повизгиваний и криков.

– Соболя стошнит, если он узнает, что Доска на него запала.

– Любого стошнит при таком раскладе.

– Даже Зозулю.

О, Семён Зозуля был еще одним аутом в нашем классе. Тоже маленький, рыжий и весь в конопушках. Но, в отличие от меня, его так жестко не гнобили. Он просто был на побегушках у Соболевского и его прихвостней. За это он хотя бы не выхватывал пинков от параллели и старшеклассников.

Его так и называли Мальчик-Принеси-Подай.

– Ну чё ты нос повесила, Доска? Не плачь, и по твою душу уродец найдется.

– Это она еще не плачет, – услышала голос Курочкиной.

А потом у моего уха два раза громко хлопнули, но я даже не вздрогнула. Я слишком привыкла включать тотальное ко всему равнодушие. Эти гиены не будут жрать за мой счет.

– Плакать она будет после уроков. – И от этой угрозы холодок страха пробежал у меня по спине.

Что еще они могут мне сделать? Я думала, что пережила многое. Да, так и было, но не все.

Занятие по физкультуре прошло как обычно, с издевательским улюлюканьем, ведь я была не в состоянии отжаться, подтянуться, а попытки взобраться на канат выглядели и вовсе жалкими.

– Смотри не пукни, Килька, – заржал кто-то из мальчишек, видя мои бесплодные потуги.

– Ей нечем, все папаша сожрал. – И вновь по гулкому спортивному залу пронесся дикий ржач.

И да, в отличие от стройной мамы, мой отец был тучный, если не сказать больше. Семь лет назад у моего родителя обнаружили серьезное заболевание, и пришлось сделать сложную операцию. А после на фоне непрекращающейся депрессии и снижения уровня активности мой отец стремительно набрал вес. И конечно же, этот фактор не остался для многих незамеченным, а использовался и извратился, чтобы проходиться по мне снова и снова.

– Скоро и ее схавает, чтобы больше не отсвечивала!

– Скорей бы уже…

– Так, класс, отставить разговоры! – заголосил наш учитель физкультуры. – Симаков, Яковлев – упал-отжался. Ларина, на канат. Соболевский, на турник! Сидишь рядом, а подзатыльник прописать не можешь этим дуракам? Княжина, на скамейку и не вздумай реветь мне тут.

Вот так было всегда. Типа решили проблему. Можно подумать, отжимание или подтягивание способно пресечь у подростков тягу к травле и жестоким насмешкам. Хотя нет, тут, скорее, имеет место безразличие. Людям было на меня плевать. Родителям, учителям – всем вокруг.

И я сидела и с максимальной ненавистью высверливала дырку в голове своего злейшего врага, который в этот момент так легко и непринужденно подтягивался на турнике. И он тоже смотрел на меня. И в его взгляде точно так же бурлила лютая ненависть.

Наверное, она у нас была одна на двоих. И я бы пожертвовала своей половиной, только чтобы никогда этого гада больше не видеть. Никогда!

Физкультура закончилась, и я, по обыкновению, не спеша приступила к уборке спортивного инвентаря. Не по доброте душевной, нет, вы не подумайте. А лишь для того, чтобы опять избежать переодевания в компании своих «любимых» одноклассниц.

Когда же дело было сделано, я еще выждала минут пятнадцать, созерцая в панорамные окна зала хмурое осеннее небо, и подумала, что сегодня оно на сто процентов отражает мое настроение. Хмыкнула, улыбнулась сама себе, потому что было больше некому, и поплелась в раздевалку.

У меня на сегодня было дежурство по классу, а мама не любила, когда я задерживалась после занятий. Нужно было помогать по дому и с готовкой. А еще мама по вечерам мыла пол в подъездах нашего дома и соседних трех. На зарплату библиотека ведь сильно не пошикуешь. И я таскала ей воду, пока она елозила тряпкой по грязным сбитым ступеням.

Вошла в раздевалку, включила свет и замерла. Обувь на месте. Рюкзак тоже. А вот пакета со сменкой нет. Я тут же судорожно кинулась ее искать, но ее нигде не было: ни в темных углах, ни под лавкой. Пусто!

Топнула с досады ногой, но приказала себе смириться с очередной злой шуткой. Схватила рюкзак, дешевые туфли из кожзама и двинулась в сторону классного кабинета, чтобы помыть пол и доску, а еще полить множество цветов, что стояли на подоконнике.

Но стоило мне только открыть дверь и сделать шаг внутрь, как на меня хлынул поток грязной вонючей воды, а затем и мокрая половая тряпка приземлилась прямо на голову. Каким-то чудом я осталась стоять неподвижно, не вскинула руки, не вскрикнула удивленно. И не заплакала. Просто стояла и ждала, пока компания мальчишек и девчонок насмеется вдоволь.

Это внутри все ныло и стонало, а снаружи я давно научилась казаться бездушной куклой. Которой все нипочем.

– Килька, ты опоздала, – обхохатывалась Вера Лёвочкина, с которой мы вместе должны были сегодня выполнять уборку кабинета, – я уже все убрала, а ты, гляди, опять все испачкала.

– Да, Доска, теперь твоя очередь наводить чистоту, – глумилась Ника Ткачева.

– Хоть какой-то с тебя прок, Глиста, – прыснула Дина Кабаева.

– Где слезы, убогая? Порадуй нас хоть чем-то! – голосила Аллочка, звезда школы, гордость родителей и красавица класса, а ей аплодировали все, кто был рядом.

Я медленно сняла тряпку с головы, окинула всех безразличным взглядом и вышла из кабинета, аккуратно прикрыв за собой дверь. Ни слова. Ни одной эмоции. Для них? Никогда!

Я неторопливо, поджимая губы, дошла до туалета, а там, как могла, промыла длинные волосы, что теперь пахли не любимым шампунем «Кря-Кря» с ароматом абрикоса, а стыдом и грязью. И да, перед тем как сунуть голову под холодную струю воды, я заперлась изнутри на шпингалет и только тогда дала волю слезам.

Боже, как обидно мне было, как горестно. Как страшно жить в этом жестоком мире. И только вера в то, что сансара все расставит по своим местам, грела мое глупое и наивное сердце.

А потом, набравшись смелости, я вернулась в класс, где уже, слава богу, никого не было. Ведро больше не было подвешено сверху двери, а одиноко стояло в луже грязной воды. Пришлось убирать. Убирать и опять глотать злые слезы.

За что мне это все? За что? Что я такого сделала, что заслужила такое отношение?

Но ответов у меня не было, да и ни у кого бы не нашлось.

Просто. Это. Весело. Кому-то.

Например, Соболевскому. Лидер мнений, он показал, что нужно делать, чтобы не скучно жилось.

Ну а после мне пришлось все-таки пойти в учительскую и найти свою классную руководительницу. Чтобы впервые пожаловаться.

– Ольга Александровна, здравствуйте, – поскреблась я в светлое просторное помещение.

– Да, Княжина? Господи, что это с тобой? – нахмурила она брови, но большего участия не проявила.

– Да так, не обращайте внимания. Я вот что пришла. У меня пакет со сменкой после физкультуры пропал. – И я выжидательно на нее посмотрела.

– Ну и? Забрал, наверное, кто-то по ошибке. Вот и все.

– Да кому нужен мой пакет? – И на мой вопрос классная только улыбнулась, отворачиваясь к окну. Да уж, просто преподаватель года, ни дать ни взять.

– Ладно, пошли проверим, – неохотно поднялась она со стула, и мы вместе выдвинулись в сторону спортивного зала. – Ой, да ты вся мокрая, – спохватилась женщина.

– Ага, убирала класс, споткнулась и упала… прямо на ведро с водой.

– Ужас, – скривилась брезгливо Ольга Александровна, и я тут же отзеркалила ее выражение лица.

– Ага…

А потом мы вошли в раздевалку, где на самом видном месте… висел мой бордовый пакет со сменкой.

Жесть! Вот я тупица! Почему сама сначала не проверила?

И я закономерно впечаталась лицом в раскрытую ладонь, ожидая справедливого нагоняя.

– Княжина, а это что такое?

– Пакет, – уныло констатировала я очевидный факт.

– Твой?

– Мой, – вздохнула я.

– Так, Княжина, это не смешно. Забирай свои манатки и дуй домой. Отвлекаешь тут меня от важных дел по пустякам.

Так я в тысячный раз оказалась пустяком на фоне остальных важных и срочных дел в этом мире.

Вздохнула скорбно, а потом принялась переодеваться. А закончив с этим, поспешила покинуть школу, так как на телефоне уже была пара пропущенных от матери. Черт, дома опять будет нагоняй.

Но стоило мне только выйти за двери учебного заведения, как мои глаза уткнулись в фигуру Соболевского, что одиноко сидел на лавке перед школьными ступенями. Взъерошенный и смотрит на меня так, будто бы хочет меня прикопать в палисаднике нашей соседки бабы Клавы.

Задрала голову выше, выдохнула страх и зашагала в сторону дома, приказывая больше на него никогда не смотреть. Никогда!

Черт, но не получилось.

Ненавистные черты лица и глаза красные…

Глава 5 – Просто такая сильная любовь…

POV Алёна

Дома, уже по обыкновению, получила нагоняй от матери за то, что опоздала, за то, что непутевая дочь, за то, что ненавистный сосед зачем-то опять до самого дома шел за мной по пятам.

Без слов, без злобных подшучиваний и оскорблений. И это пугало еще больше, вгоняло в ступор, не давало нормально дышать и передвигать ногами. Ненависть к Никите Соболевскому коверкала меня изнутри и снаружи. И я не знала, что с этим делать.

– Он просто шел домой, мама, – понуро сидела я на дешёвом кухонном уголке, обитом потрёпанным дерматином.

– Да уж знаю я это «просто»! Ты, Алёнка, у меня смотри! Только попробуй связаться с этим выродком бандюганским. Видела я, как он смотрит на тебя, – расходилась мать, размахивая в сердцах металлическим половником.

– Смотрит, – фыркнула я, поджимая губы.

– Я-то вижу, жизнь прожила и знаю, Аленка. Смотрит, смотрит…

– Ага, прям влюбился, – с сарказмом выплюнула я.

– Вот, вот! – погрозила она мне пальцем.

Боже, знала бы она, что мне пришлось пережить по милости этого «влюбленного Ромео», так бы не говорила. Даже не заикалась бы.

– Мам, перестань. Соболевский и я – мы… ну как тебе сказать? В общем, мы в очень плохих отношениях, – рискнула я хоть как-то объяснить родительнице ситуацию.

– Ага, это я тоже знаю. За косички дергает, рюкзак ворует… Аленка, ты у меня еще глупенькая и наивная. И маму слушать не хочешь.

И вдруг я ухватилась за эту тему, как утопающий за пену морскую.

– Мам?

– Ну что?

– А давай вы меня в другую школу переведете. Туда, куда Настя, Анька и Сонька ходят?

– Нет, – буркнула мать.

– Ну пожалуйста! И от Соболевского подальше буду. Ты вот не знаешь, а это, между прочим, мечта всей моей жизни! Мам, прошу тебя, переведите, а? Мне не нравится эта школа. – И я сложила ладони в умоляющем жесте.

– Ну знаешь! Нравится, не нравится – терпи, моя красавица. Да и не можем мы тебя перевести. В твоей школе отец с директором договорился, они с Володькой в параллели учились. Пообещал, что с нас на расходы брать не будут, а подружки твои в лицей ходят. Там знаешь какие поборы с родителей? Ого-го! На нужды класса, на подарки учителям, учебные пособия, спортинвентарь, даже на бумагу и то собирают, Аленка. У меня зарплата двадцать пять, у отца на десятку больше, еще за подъезды что-то выходит. Но это копейки! А еще же жить на что-то надо. Вон коммуналку опять подняли, отцу на лекарства львиная доля из бюджета уходит. Так что нет, даже не проси. О переводе можешь забыть.

– Ну, мам… – И мой подбородок задрожал от перспективы учиться с Соболевским до конца одиннадцатого класса.

– Нет, я сказала! Ох, да и потерпеть всего-то ничего осталось, Алёнка. Я краем уха слышала, когда на прошлой неделе подъезд мыла, что отец Соболевского строит дом за городом, да еще и квартиру в центре купил на свои деньги бандитские, отделка там идет уже полным ходом. Так что не сегодня-завтра он со своим сынком съедет от нас, а там и школу новую найдет, поближе к новому дому.

А я от таких радостных перспектив даже дыхание затаила. Не может быть! Съедет! И школу поменяет… О господи, боже, спасибо тебе, спасибо!

И я тут же от этой новости преобразилась. И подбородок чудным образом дрожать перестал. И жизнь вдруг засияла яркими красками только от мысли, что я Соболевского больше никогда-никогда не увижу. И то был бы рай на земле.

Рай!

Уже перед сном я лежала в своей постели и мечтательно смотрела в потолок, представляя, как изменится моя жизнь, когда из нее наконец-то исчезнет мерзопакостный сосед. И в школе у меня обязательно появятся друзья. Может быть, не сразу, но появятся. Потому что лидер мнений уйдет, а с ним и надобность издеваться надо мной.

Я в это свято верила.

А потому на следующий день я впервые шла в школу как на праздник. И плевать, что небо хмурится, а под ногами неприятно хлюпают лужи. Вот вообще по барабану! И даже тот факт, что, пока я отмывала грязную обувь в корыте у школьного крыльца, у меня кто-то умудрился умыкнуть пакет со сменкой, не смог испортить мое приподнятое настроение. Ведь на такой случай у меня в портфеле всегда лежали запасные парусинки.

Да, да, такую плоскую шутку со мной проворачивали уже не в первый раз.

Разделась, переобулась, потом нашла в мусорке возле раздевалки тот самый пакет со своей сменкой и, улыбаясь, двинулась в сторону библиотеки, где собиралась сдать пару книг перед началом занятий и получить новые.

Но не дошла.

В закутке за кадками с высокими растениями я вдруг услышала чей-то судорожный всхлип, а потом и долгое протяжное завывание. Ревела девушка, однозначно! И я тут же, не задумываясь, ринулась к ней на помощь. Зашла за небольшой выступ в стене, где стояла крохотная лавка, и замерла.

Курочкина.

Вот те раз! Сидит рыдает, по щекам расползлись уродливые потеки туши, а губы почти до крови искусаны.

– Алла? – сделала я шаг ближе, и девчонка тут же вскинула на меня покрасневшие, опухшие от слез глаза. – Случилось что? Я могу тебе помочь?

И замерла в ожидании ее ответа. Все обиды на эту самодовольную, наглую и заносчивую девчонку в моей голове померкли. Она плакала, а значит, ее кто-то обидел. А если так, то нужно человеку помочь.

Только вот зря к ней со своими утешениями сунулась.

– Да, Доска, можешь. А ну, пошла отсюда. Пошла!

И я тут же развернулась, уходя прочь и получая в спину жестокие выкрики:

– Гребаная дура! Помочь она решила. Себе помоги, убогая!

Дальше слушать я не стала, зажала уши ладонями и понеслась в библиотеку. А после точно так же неслась на первый урок, почти заплетаясь в собственных худеньких ножках.

А в классе уже творилось невообразимое. Все перешептывались и почему-то смотрели на меня.

Боже, да что опять-то?

Пришлось напрягаться и подслушивать, о чем толковали за моей спиной две самые завзятые сплетницы класса – Рита Буева и Марина Головченко.

– Он же с ней даже не встретился, прикинь!

– Да ты что? Ни фига!

– Ага, просто смс-ку написал, мол, все, прошла любовь, завял помидор. – И девочка прыснула сама же от своей шутки.

– Капец, кинул саму Курочкину! Как думаешь, из-за чего?

– Да вот кто его знает. Но кто-то говорит, что это из-за вчерашнего видео, что Алка слила в чат. Но пока информация не проверенная. Курочка молчит, а от Соболя никогда ничего не узнаешь.

– Это да, проще утопленника разговорить. Но насчет видоса я сомневаюсь. Реально смешно получилось.

– Тише ты, вдруг уши греет, – шикнула Рита.

– Да куда ей что понять. Убогая Килька.

– Эх, жаль… А такая сильная любовь была…

– Ага…

– Зато можно занять освободившееся место!

– Встань в очередь!

Вот это новости с полей. Соболевский бросил Курочкину!

Только вот почему – непонятно…

Глава 6 – Надя умирает последней

POV Алёна

Знаете, это, конечно, глупо, но после того инцидента с тряпкой меня не трогали в классе почти неделю, и я думала, что это навсегда. И да, то были лучшие дни в моей школьной жизни, если не сказать больше. А все потому, что двадцать три подростка обсуждали феерическое расставание Соболевского и Курочкиной.

Всем элементарно было не до меня.

Первые два дня краса класса лила крокодиловые слезы и дула губы за несправедливость судьбы, а потом вышла на охоту. Ибо ушлые одноклассницы уже вовсю строили освободившемуся холостяку глазки, пытаясь отхватить себе вожделенный приз. И это в тринадцать-то лет?

Дуры!

Но кино было знатное, ребята!

Аллочка, с боевым раскрасом и укороченной донельзя форменной юбкой, начала операцию по возвращению в свои сети Соболевского. Сначала решила вызвать ревность. Виляла хвостом перед Кириллом Решетовым, который был лучшим другом ее бывшего. Потом обжималась с красавчиком Сашкой Павловым с параллели. А потом до нее дошло, что Соболевскому фиолетово на ее постановочные выступления.

И Курочкина пошла дальше.

Словно банный лист она намертво прилепилась к парню, заглядывая в его глаза жалобно и просительно. Заламывала руки, пыталась вывести на разговор, но получала только неизменное:

– Алла, все. Мы с тобой закончили. Не позорься, – и, говоря это, Соболевский на нее даже не смотрел, а вот на меня почему-то да.

И глаза его горели, казалось, тихим бешенством. Вот только непонятно, кому оно было адресовано. Мне, что посмела совать нос в его личную жизнь, или Курочкиной, что планомерно выела ему мозг за прошедшую неделю… Ай, а не плевать ли мне? Плевать!

И зачем я вообще повернулась в его сторону? Сидела бы себе спокойно за партой и сидела, вот и книга передо мной такая интересная лежит, а я отвлекаюсь по пустякам. Любопытная Варвара!

Но несмотря на все апогей отношений между королем и королевой класса я все же зацепила. То была суббота. Паутина летала в воздухе, и обманчиво пахло летом. Я вышла на школьное крыльцо, затем прошла школьный парк и спортивную площадку и тут услышала голос Курочкиной, что почти на ультразвуке ввинтился мне в сознание:

– Перестань пороть чушь, Ник! Подулся и хватит!

– Алла, ты меня утомила, – устало выдохнул Соболевский, вальяжно рассевшись на лавке.

– Я не понимаю, что такого я сделала! – разъяренной фурией вышагивала она туда-сюда перед ним.

Молчание было ей ответом.

– Мы просто веселились. Ясно? Поржали и проехали. И я соскучилась, вообще-то! Поцелуй меня!

И снова ничего.

– Ник, я без тебя не могу! – Она присела перед ним на корточки, а я завернула за угол школы, чтобы меня не засекли, и затаила дыхание.

И отчего-то с места сдвинуться не смогла. Не выходило. Я просто стояла и слушала, что же будет дальше.

– А я без тебя могу, – совершенно безэмоционально ответил ей Соболевский.

– Но это же не так. Это же неправда! Да, Ник? Да? Скажи, что прощаешь меня. Скажи, что скучал по мне так же, как и я по тебе. Скажи, что я…

– Я скажу, что ты меня достала, Алла.

– Что?

– Что? – издевательски скопировал он ее вопрос.

– Ник, ну прости меня!

– Твою мать! – почти зарычал парень.

– Скажи, что я должна сделать, и я это сделаю!

– Свалила!

– Но, Ник!

А затем он что-то говорил ей, злобно, но, увы, неразборчиво. И как бы сильно я ни напрягала слух, расслышать ничего не могла. Только поняла, что после этого Соболевский ушел, а Курочкина осталась там же, на той самой лавке. Она сидела и горько плакала, но я почему-то не чувствовала к ней больше сострадания. Мне казалось, что это справедливо. Ведь и я на прошлой неделе точно так же лила слезы, отмывая в холодной проточной воде свои испачканные волосы.

И всем было плевать. Так же, как и сейчас всем было плевать на Аллу Курочкину.

Надежды на воссоединение с Соболевским у нее рухнули. А у меня на тихую и спокойную жизнь. И уж не знаю почему, но мужская половина моих одноклассников меня больше не трогала, не оскорбляла и вообще практически забыла о моем существовании.

Но вот женская половина…

И Курочкина стояла в авангарде этой травли, что продолжалась до конца седьмого класса. Всего и не описать, но кое-что я запомнила на всю свою оставшуюся жизнь.

Однажды утром, пока я стояла в очереди на вход в школу, мне на шапку и куртку кто-то подсадили трех огромных мадагаскарских тараканов. И вот я подхожу к гардеробу, чтобы раздеться и сдать верхнюю одежду, а потом замечаю, что многие вокруг начинают смеяться надо мной, а потом и снимать на телефоны. Дальше дежурная по раздевалке начинает вопить на весь школьный холл. И мне никогда не забыть ее визг…

– А-а-а, таракан! У нее на шапке таракан! И на куртке! Фу, таракан!!!

Я тут же сбила головной убор с головы, видя, как по полу ползет толстое коричневое насекомое. От страха и омерзения расплакалась, продолжая торопливо снимать с себя куртку и гадливо отряхиваться под оглушающий хохот толпы учеников. Им было весело! Кто-то так смеялся, что даже заходился в кашле. Кто-то остервенело бил себя по колену, пытаясь сдержать истерику. Кто-то отирал с лица слезы от наплыва положительных эмоций.

– Бомжиха! – орал кто-то.

– Поди, перед школой в помойке рылась! – еще выкрикивал кто-то.

– Так дома не кормят, жрать-то нечего, – и эти обидные выкрики, казалось, никогда не закончатся.

Но окончательно добил меня именно Соболевский, который, расталкивая вдруг примолкшую толпу, подошел ко мне и окинул хмурым взглядом. А потом, очевидно имея за пазухой какую-то еще более гнусную выходку, спросил меня:

– Ты как, Алён? – А видя, что я ничего не отвечаю, скорее всего, от шока, добавил: – Ну, не плачь.

Сволочь, правда? И так проникновенно в глаза мне смотрел, как будто действительно переживал за меня. Поддайся я тогда на эту сладкую провокацию – и мне бы светил новый виток зубодробильных насмешек. Ну уж нет!

– Руки от меня убери, – огрызнулась я и зло вытерла соль с мокрых щек, – и больше никогда меня не трогай! Ты такое же ничтожество, как и все они, – буквально выплюнула я ему в лицо, наслаждаясь эффектом, что произвели на Соболевского мои слова.

А потом наконец-то пришла охрана вместе с директором школы и спасла меня из этого ада.

Первый урок я пропустила. У меня на фоне всего этого случился нервный срыв, пришлось отпаивать меня успокоительным в медбоксе. Не от вида тараканов и не из-за того, что надо мной в который раз посмеялись, а оттого, что я позволила этим уродам довести себя до слез.

В школу даже вызвали моих родителей тогда. Провели разговоры, я в который раз слезно просила у отца перевода. Но он вновь ответил отказом.

– Ничего страшного не случилось. Подумаешь, таракан…

И никого тогда не наказали. Ни-ко-го!!! Только видео ползающих по мне насекомых еще долго мусолила вся школа. Забавлялись детки. Тешились…

Потом была еще мышь в сумке. Но мне кажется, зачинщик этой расчудесной шутки не оценил размаха мероприятия, и по факту визжала не только я, а почти вся женская половина класса.

И только Соболевский сидел за своей партой неподвижно и, поджав недовольно губы, смотрел на то, как я взобралась на подоконник и почти слилась с откосом. Что значит его взгляд, я не знала. Быть может, недоволен тем, что живет бок о бок с девчонкой, которая разводит тараканов и грызунов. Черт его знает.

На новогодний утренник меня облили синей краской.

На четырнадцатое февраля красной.

В преддверии восьмого марта привязали мои шнурки к стулу. Боже, и как они вообще это провернули? Но да, я упала тогда и больно ударилась, когда резко встала, не почувствовав подвоха. Сбитые колени, локти и шишка на голове.

И вновь смеялись все. Все, кроме Соболевского, который, смотря на меня, переломил карандаш на две части.

А потом все издевательства надо мной отошли на второй план, ведь я снова подслушала сплетниц Риту и Марину, что с пеной у рта обсуждали Соболевского уже где-то в середине апреля.

– Говорят, Соболь от нас сваливает. Они с отцом переезжают, и в восьмой класс он пойдет учиться уже в другую школу.

– Да ладно?

– Ага.

– Алка умрет от горя.

– Эх, и не только Алка…

А я была готова умереть от радости! Боже, какие чудесные новости! И Надежда моя снова воскресла и расцвела буйным цветом…

Да, да, осталось потерпеть-то всего ничего! И больше никогда я этого гада не увижу.

Никогда!!!

Глава 7 – Никогда не говори «никогда»

POV Алёна

– Вот же напасть, – покусывала я нервно губы, пока рассматривала свое отражение в стареньком, побитом временем зеркале.

А потом полезла в шифоньер, чтобы выудить оттуда новую блузку, купленную мне мамой для следующего учебного года на распродаже. А затем и свитер в придачу. Нацепила на себя тряпки и облегченно выдохнула. Не видно! Отлично! Благо весна в этом году выдалась холодной и дождливой, есть за чем спрятаться.

Короче, вы еще не знаете, но к концу седьмого класса мое тело вдруг решило, что пора начать меняться. Сначала было не так уж и заметно, но время шло, и мои изменения уже было трудно скрывать под школьной формой. Благо учебный год подходил к концу, и я молилась, чтобы никто в классе не заметил мои метаморфозы, ибо новая волна насмешек хлынула бы на меня и сбил быа с ног — это я знала как дважды два. Моим одноклассникам-упырям только повод дай – загрызут, весело повизгивая.

Но пронесло.

А потом и последний звонок отгремел, а меня отправили на целое лето к бабушке в деревню. Там-то и понеслось.

– Ну куда же ты растешь, окаянная? – ругала я ни в чем не повинную грудь. – Остановись! Хватит! Не надо!!!

Но грудь меня не слушала, только делала свое дело молча и упорно.

– Предательница! – сокрушалась я, натягивая на нее первое в своей жизни специальное белье, что купила мне бабушка.

– Ты чего там бормочешь, внученька?

– Да вот, говорю этой бессовестной, чтобы расти перестала, но она меня не слушает, – горестно жаловалась я родному человеку, но та только смеялась и журила меня за детскую непосредственность.

– Такая ты умненькая у меня, Лелька, но такая еще глупышка…

Глупышка? Ну и пускай! Мне бы лучше быть неприметной Доской, чем вот с этим добром оказаться у всех на виду первого сентября. Хотя если Соболевского не будет, то, может, и пронесет? На то и была вся надежда!

Хотя уж больно очевидной к концу лета стала моя трансформация. Я округлилась во всех неприличных, по моему мнению, местах. Талия теперь казалась слишком узкой на фоне всего остального безобразия. И выход я видела только один – скрывать все это дело, и как можно дольше.

Когда я вернулась из деревни в город, то почти с порога заявила матери, что мне нужны новые вещи, и желательно побалохонистее.

– Это еще зачем? – спросила мать.

– Надо, – смущаясь, уклончиво ответила я. Это с бабушкой я могла обсудить все на свете, а вот от мамы понимание даже не пыталась найти. Мы обе были будто с разных планет.

– Ну если надо, то иди заработай, а потом и покупай себе все, что хочешь. А я тебе уже набрала шмотья, вон в комнате лежит. Тоже мне тут фифа нашлась, новое ей все подавай. Надо ей.

– Но, мам, ты не понимаешь! – уже было хотела я выложить ей все свои горести как на духу.

– И понимать не собираюсь, – махнула она на меня рукой и потопала дальше смотреть с отцом какую-то вечернюю передачу по телевизору.

Вот и поговорили. А я так и осталась ни с чем. Один на один со своими горестями. А те, с кем я могла поделиться, учились совсем в другой школе. Но с Соней, Настей и Аней мы все-таки встретились за неделю до учебного года. Сели, как в былые времена, на ракету, взяли в руки по стаканчику мороженого и принялись рассказывать, кто как провел лето. Но прежде девчонки почти синхронно присвистнули, когда впервые увидели меня после каникул.

– Ничоси, Лёлька! Какие у тебя буфера наросли, – со знанием дела хмыкнула Настя.

– Ага, у Соболевского глаз нервно задергается, когда он это увидит, – согласно кивнула ей Аня.

– Не выпадет, – отрицательно качнула головой Соня, которая была единственной, кто на лето никуда из города не уезжала, – он с отцом еще в июне съехал. Да, квартиру даже на продажу выставили.

– Офигеть! – протянули девчонки, а я и вовсе выпала в нерастворимый осадок.

Съехал гад! Все, отмучилась! Слава богам и пресвятым угодникам!

– Лёль, ты чего это? – толкнула меня в плечо Настя.

– Да не трогай ты ее. Дай ей покайфовать от новости, – шикнула на нее Аня.

– Балдеет, – кивнула Соня, а потом мы все вместе счастливо рассмеялись.

Остаток времени до учебного года, как вы понимаете, я порхала на крыльях небывалой радости и облегчения. Все! Больше не будет в моей жизни черных бесстыжих глаз. Не будет насмешек и злых шуток. Не будет Соболевского. Никогда!

И на первое сентября я шла как на праздник и даже почти не боялась своих округлившихся форм. Ведь я свято верила: нет мерзопакостного соседа – нет проблем.

И вот она – парадная линейка. Я вся такая красивая и совсем не обращаю внимания на то, как перешептываются одноклассники, а девчонки, прищурившись, сканируют меня с головы до ног.

– О, у Доски два прыща выскочило, поглядите-ка, – прыснула в кулак Ника Ткачева.

– Этой убогой уже ничего не поможет, – закатила глаза ее подружка Дина Кабаева. Странно, но Курочкиной рядом с ними не было.

– Хэй, Килька, слышишь? Не получилось у тебя из гадкого утенка в лебедя превратиться. Провал. – Но я на эту реплику даже не отреагировала. Просто отвернулась и уставилась вдаль.

Плевать! У меня сегодня знаменательный день, вообще-то, и никто не сможет его испортить.

Вот и какой-то симпатичный мальчишка улыбается мне и подходит ближе.

– Привет. Я Антон. Не против, если я встану рядом с тобой?

– Да, пожалуйста, – немного отступаю я, пожимая плечами.

– А я новенький, – снова улыбается он мне приветливо.

– А я старенькая, – и мы оба смеемся моей оговорке, – то есть я Алена. Будем знакомы.

– Будем, – кивает мне Антон, и я возвращаю ему улыбку под дружное перешептывание класса.

И так хорошо на душе. Прямо вот птички поют. И на первый урок в этом учебном году я иду не одна, а с новеньким, который дружелюбно рассказывает мне о том, что он переехал в наш город, потому что его отец военный и приходится много колесить по стране. Милый парень. И когда он просит сесть со мной рядом, я с радостью соглашаюсь. Ведь с первого класса я всегда сидела одна. Никто не хотел сидеть с аутом, неудачницей и Доской.

А теперь вот. Соболевского нет и началась новая жизнь!

Звенит звонок, и я раскладываю на столе принадлежности, слушая почти беспрерывную болтовню Антона. И я не против, со мной в школе никогда никто так много не говорил. Я немного стесняюсь его неожиданного напора и внимания, но стараюсь не шарахаться и вести себя адекватно. Вроде получается.

– Можем, если хочешь, прогуляться после занятий. Покажешь мне достопримечательности района, – предлагает Антон, а я смеюсь.

– Ты же в июне переехал.

– Черт, не проканало. Ладно, я за урок что-нибудь еще придумаю, – пожимает плечами, и нам приходится замолчать, так как в класс входит учитель.

А спустя минуту дверь открывается вновь, и я забываю, как дышать.

Трескаюсь. Лопаюсь. Разлетаюсь на куски.

– Опоздал. Виноват, – слышу я ненавистный ленивый голос и чуть не рыдаю от разочарования.

О нет! Какого черта он тут делает?

Глава 8 – Первый блин

POV Алёна

Я думала, у меня начались галлюцинации, но нет. Вот он – мой самый страшный кошмар – стоит и, прищурившись, смотрит на меня, а потом и на новенького Антона. В глазах плещется ненависть, а рука до скрипа сжимает кожаную лямку рюкзака. Я сглатываю, но на этот раз не отворачиваюсь в страхе, а вопросительно приподнимаю одну бровь, хотя и не чувствую особой уверенности в том, что делаю.

– Соболевский, ну, проходи же! – поторопил его учитель.

– Угу, – кивнул он, ухмыльнулся криво и двинулся к задней парте, на ходу получая приветственные выкрики своих прихвостней.

– Здорово, Соболь!

– Привет, чувак!

– Как оно?

– Ну ты красава, опять загорел до черноты.

– Отставить разговоры, класс! – гаркнула учительница, но ее мало кто воспринял всерьез, поэтому разговоры не прекратились, хотя и стали чуть тише.

Началась перекличка. Дошло до меня, а потом и до новенького.

– Карташов у нас тут кто?

– Я, – поднял руку мальчишка.

– Новенький, значит? Ну, рассказывай, откуда к нам пожаловал. – И рукой дала знак ему встать.

– Привет всем! Меня зовут Антон Карташов, я приехал к вам из Владивостока. Увлекаюсь баскетболом. Ярко выраженный гуманитарий, но таблицу умножения знаю, – и тут класс довольно заурчал, – ну вот, пожалуй, и все. И да, рад, что буду учиться вместе с вами.

Но не успел никто ничего сказать, как с задней парты послышалось угрожающее:

– Это ненадолго.

Соболевский гад! Но Антон не стушевался, а повернулся к агрессору, дружелюбно отвечая:

– Мой отец военный. Эта школа уже пятая за семь лет обучения. Так что да, вполне себе возможно, что ненадолго.

– Сто процентов, – снова слышу голос упыря, и класс замер в ожидании стычки. Но ее не случилось. Антон лишь улыбнулся, покачал головой и повернулся к учительнице, полностью игнорируя Соболевского.

– Спасибо, Антон, можешь садиться, – ответила женщина. – Так, а Курочкина у нас где?

– Она перевелась на домашнее обучение, – услышала я голос Ники Ткачевой.

– Ах да, точно, что-то слышала об этом, – почему-то вспыхнула учительница, – ладно, едем дальше.

И мы поехали. Учебные дни понеслись перед глазами, как картинки калейдоскопа, но неизменным оставалось одно – отношение класса к моей скоромной персоне. Парни как-то странно смотрели на меня, хмурились, а потом и вовсе упорно делали вид, что я лишь пылинка, парящая в воздухе. Невидимка. Девчонки же изгалялись, как и прежде. Только теперь их вымораживал не факт отсутствия у меня груди и остальных девчачьих выпуклостей, а, казалось, наоборот, их наличие. А еще то, что со мной дружил новенький.

Несмотря ни на что.

Мы с Антоном так и сидели уже неделю вместе, а после занятий парень регулярно провожал меня до дома, хотя ему было совсем не по пути. И вообще, мы будто бы стали маленькой, равнодушной ко всему частью большого и злобного класса. Еще и Соболевский будто с

цепи сорвался, кидаясь на новенького при каждом удобном случае. А если его не находилось, то и не при удобном.

Так было в среду на уроке физкультуры, где ненавистный одноклассник во время игры в баскетбол провел жесткую атаку. Когда Карташов уже был готов вколотить мяч в кольцо, его буквально снес Соболевский. Класс поднялся на ноги и заголосил, ведь новенький совершил небольшой, но все же полет, ибо приложили его нехило.

Тренер тут же прервал игру, а я в шоке смотрела, с какой кровожадностью ненавистный одноклассник смотрит на моего друга.

– Все нормально, – поднялся на ноги Антон, – меня младшая сестренка дома сносит с ног сильнее, чем это было сейчас.

Я рассмеялась. Соболевский поджал губы и посмотрел на меня так, как будто хотел придушить голыми руками. Я же только отвернулась. Я не хотела на него смотреть. Никогда!

Тренер же решил примирить игроков, и уже на следующее занятие парни боролись за победу в одной команде. Но и тут Соболевский вел себя как последний кусок дерьма. Запоздалый окрик для передачи, и вот уже баскетбольный мяч со всей силы попадает Карташову прямо в лицо. Тот падает, и все замирают, вслушиваясь в холодные слова моего заклятого врага:

– Так нормально? Теперь я могу потягаться с твоей сестренкой?

– Возможно, – протянул Антон, поднимаясь с пола, – только таких все равно не берут в космонавты.

– Да плевать я хотел на твою космонавтику. Смотри, как бы сам не вылетел в астрал.

И снова зарождающуюся драку прервал учитель, но напряжение росло, и это напрягало меня просто донельзя. Хотя, по правде сказать, Антону было чхать на то, что с ним не общается мужская половина класса. А девочки ему и подавно были не нужны.

– Мне и тебя хватает, Алёнка, – улыбался он, и на его правой щеке появлялась забавная ямочка, – пошли лучше в театр сходим, м-м? – предложил он в субботу после занятий, сидя у раздевалки и переобуваясь.

– В театр? – мечтательно протянула я.

– Ага. В Пушкинском дают «Недоросль». Ты как? – улыбнулся мне Антон.

– Я очень, – закивала я в ответ.

– Отлично! Тогда завтра?

– О, завтра – это чудесно, – улыбнулась я.

– Ну и супер. Постановка в семь, я зайду за тобой к половине шестого. Пойдет? – подмигнул мне друг.

– Полетит, – рассмеялась я, и тут же смех застрял в горле, так как из-за поворота вывернул Соболевский собственной персоной и окинул нас брезгливым взглядом.

И вроде же с виду нормальный парень, ничего плохого и не скажешь, а какой на самом деле он был гнилой внутри. Это знала только я, и потому этот человек вызывал у меня острое чувство неприятия. Я органически не переваривала его всего и не понимала, отчего девчонки так заходятся в восторге, стремясь привлечь его внимание. Глупые!

Красивый? Для меня он был самым уродливым на земле!

– Боже, как же я ненавижу его, – прошептала я, когда враг номер один скрылся с горизонта.

– Похоже, у вас это взаимно, – пожал плечами Антон и поднялся на ноги. – Ладно, идем, провожу тебя и побегу на тренировку.

И мы пошли, а потом всю дорогу разговаривали об учебе, о планах на будущее, о любимых книгах, музыке и даже политике. Антон был очень умным и начитанным, а потому я все больше и больше проваливалась в наше общение, в наши шутки и совместные интересы. С ним я больше не чувствовала себя одинокой скалой, которую лупит со всех сторон штормовое море этой суровой действительности.

Мне наконец-то было кому улыбаться.

И завтрашнего дня я ждала с щемящим в груди сердцем. Театр! Боже, как прекрасно это звучало! Хоть бы все не обернулось комом.

Воскресный день, на мне простенькое, но красивое шерстяное платье кофейного цвета, а еще прическа. Мама сподобилась заплести мне две красивые косы. И я сама себе нравилась в этот день, вот прямо очень!

И почти не волновалась, когда часы пробили пять тридцать, а Антон так и не появился на моём пороге. На звонки не отвечал, как и на сообщения. Вот уже и шесть часов пробило, а потом и седьмой подкрался незаметно. И мне стало абсолютно очевидно, что никакого театра не будет.

Долго стояла и сверлила взглядом стационарный телефон, а потом подняла трубку и набрала домашний номер Карташова. Длинные заунывные гудки, а потом наконец-то трубку на том конце провода сняли.

– Алло, – услышала я детский голос.

– Привет, – замялась я, – а можно услышать Антона?

– А Антон не может подойти к телефону, – щебетала девчушка, – он лежит у себя в комнате, и его нельзя тревожить. Так папа сказал. У него кровь на губе и лбу. Из носа уже остановили. А мама сказала, что братика избили хулиганы. А ты знаешь, кто это такие, ну эти самые хулиганы?

Всхлипнула, прикрыла дрожащей рукой глаза и прошептала:

– Кажется, да…

Глава 9 – Не хочу, не буду!

POV Алёна

В воскресенье, уже поздно вечером, от Антона все-таки пришло сообщение с понятным содержанием: «Прости, я облажался». Но когда я спросила, что случилось, то ответом мне было только: «Потом расскажу». Так и промучилась в неведении до самого утра понедельника.

А там меня уже ждало дежурство по раздевалке, в котором мне напарником должен был быть как раз не пришедший в школу Карташов. И я категорически не справлялась. Бегала у своего окна туда-сюда, суетилась, а когда прозвенел звонок на первый урок, совсем рухнула на лавку без сил.

– Княжина, – услышала я окрик директрисы, – а ты чего тут одна?

– Я не одна. Ребята из девятого просто отошли в туалет. А мой напарник на больничном, – покаянно доложила я.

– А, ясно. Надо было классной сказать. Ну ладно, пошли, – махнула она мне рукой, – за тебя пока Вадик посмотрит тут. – И повелительно кивнула охраннику.

А потом мы двинули в наш класс, где директриса прилюдно отчитала классную за безалаберность и за то, что я была вынуждена нести вахту одна в своем звене целое утро. Зря она так, меня Галина Александровна и так не любила черт его знает за что, а тут еще и это.

– Выделите ей в помощь мальчика, – приказным тоном порешила директриса.

– Ну, кто пойдет с Княжиной? – спросила классная, но в помещении воцарилась просто гробовая тишина. Только смерти с косой не хватало для полноты картины.

Никто не хотел со мной дежурить. Никто. Я до сих пор оставалась самым слабым звеном в нашем «дружном» коллективе.

И тут словно гром среди ясного неба. Его голос. Ненавистный. Глубокий. Пугающий.

– Я пойду.

И Соболевский медленно встал со своего места, а я только сейчас на него посмотрела. И тихо охнула.

– А что с лицом у тебя, Никита? – словно между делом поинтересовалась директриса.

– Шайбу вчера не поделили, – лениво протянул Соболевский, пока запихивал учебники в сумку. Все знали, что мой бывший сосед серьезно занимался в хоккейной коробке, и данное объяснение выглядело вполне себе удобоваримым.

Но чтобы так! Губа разбита, бровь тоже, на скуле виднеется синяк. Жесть, конечно, но я была рада, что его хоть кто-то умудрился набуцкать в этом мире. Прямо на душе теплее стало. И нет, мне за свои мысли было нисколечко не стыдно. Вот так вот!

– Марьяна Георгиевна, а может, я одна подежурю? – скривилась я и умоляюще впилась в равнодушные глаза директрисы.

– Нет, нельзя! – неожиданно громко заорала женщина. – Вдруг проверка, а там ты одна на два окна бегаешь. Все, идите! Задерживаете мне тут урок.

И я потопала обратно в раздевалку как на каторгу, честное слово! А позади меня плелся ненавистный, мерзопакостный во всех смыслах Соболевский. Почти наступал на пятки. Буквально дышал в спину. А мне только и хотелось, что повернуться и расцарапать его наглую физиономию. Превентивный удар, если хотите. Уж не по доброте душевной он вызвался помогать мне по дежурству. Как же! Наверное, уже нафантазировал в своих грязных мыслях очередной гнусный план, как довести меня до ручки.

Паскуда!

И ведь я не ошиблась, знаете ли.

Весь день Соболевский вел себя обманчиво спокойно. Даже несколько раз помогал мне в моем окне, когда толпа второй смены учащихся атаковала раздевалку, а потом и первой, что скопом ломанулись после учебы домой. И как же он меня нервировал в тот момент!

Я словно со всех сторон была окружена врагом. Его запах давил по рецепторам. Это была какая-то невообразимая мешанина ароматов, честное слово: цитрусовые ноты бергамота, дуба, амбры и можжевельника, немного ванили в сочетании с мускусом – и все это под сладкими нотами смородины, ананаса и яблок. Черт знает что, но я невзлюбила этот адский коктейль, хотя впервые, когда его учуяла, он показался мне лучшим, что я когда-либо ощущала.

Теперь я знаю: так пахнет зло во плоти. Так пахнет Никита Соболевский.

А еще он смотрел на меня. Прожигал своим черным взглядом. И я чувствовала эти липкие щупальца чужого, ненавистного мне внимания. Они не несли добра, и я знала это. Наверное, этот гад просто обдумывал, что же еще такого сотворить со мной, чтобы довести до слез.

И придумал! Ровно тогда, когда до конца дежурства оставались считаные минуты. Решил отжечь напоследок. А я, дура, думала, что пронесет. Ага, три раза ага!

– Княжина?

А даже вздрогнула. Когда это он вообще последний раз ко мне обращался? Да ровно год назад, когда мне на одежду насадили огромных тараканов. Скорее всего, по его наводке или для того, чтобы Никиточка похохотал над убогой Килькой на досуге. Но я больше не Килька, не Доска и уж точно не девочка для битья. Поэтому я просто абсолютно абстрагировалась и от его голоса, и от всей его сущности.

Молчать. Он ничто для меня. Пустое место!

– А ты правда, что ли, любишь театры?

Боже, что он несет? К чему вообще клонит? Ай, плевать!

– Оперы, балеты, м-м? – обошел Соболевский вокруг меня, потому как я отвернулась, и встал напротив, снова заполняя пространство своим странным ароматом.

Б-р-р!

– В Мариинке сейчас дают «Лебединое озеро». И «Золушку» еще.

Все так же молча перевела глаза на часы и облегченно вздохнула, а потом, не говоря ни слова, подхватила свою сумку и двинулась на выход из школы.

А это исчадье ада за мной, чтоб он провалился!

– Алён, – произнес Соболевский мое имя, и меня передернуло.

Сказал и словно испачкал меня всю. Даже мурашки по телу побежали. Но я упорно топала прочь от него. Как можно скорее, как можно дальше!

– Алён, да подожди ты, – дотронулся он до моего плеча, и я подскочила, будто кошка, напуганная слишком громким звуком.

– Не смей ко мне прикасаться! – зашипела я змеей.

– Алён, – облизнул губы и сглотнул.

Вот артист! Прямо репетировал волнение перед зеркалом.

– Чего тебе надо от меня? – рычу я.

– В театр пойдешь со мной? – И он делает опасный шаг в мою сторону, так что я вся натягиваюсь как струна в ожидании… не знаю чего! Его извращенная фантазия способна на любые гнусности.

– Никогда, – подаюсь я в его сторону и выговариваю это слово четко и по буквам.

– Почему? – наклоняет он голову набок.

Кручу головой по сторонам, а потом и качаю ею. Усмехаюсь. Боже, когда эта школа уже закончится? Сил нет!

– Нас снимает скрытая камера, да? Забавно ты придумал. Была бы я такой же пустой идиоткой, как ты и твои друзья, – конечно, посмеялась бы. Но не выйдет. Досадно.

– Алён. – И в его черных глазах стынет лед.

– Ты жалкий кусок дерьма, Соболевский. Школа когда-нибудь закончится. А потом я наконец-то выдохну, потому что мне не придется каждый божий день видеть тебя. Это моя голубая мечта. Ты знал? А теперь угадай с трех раз, пойду ли я с тобой в театр или нет.

Приподнимаю вопросительно брови и складываю на груди руки, а потом получаю закономерное и саркастичное:

– Раскусила. Вали давай.

Просить дважды меня было не нужно. Я тут же развернулась и пулей кинулась в сторону выхода со школьного двора, чувствуя, как мой затылок планомерно высверливает взгляд Соболевского.

Фух, сегодня пронесло!

А теперь проведать Антона…

Глава 10 – Кина не будет!

POV Алёна

Всю дорогу до дома Антона меня не покидало липкое ощущение чужого пронизывающего взгляда. Но я все списала на нервоз после совершенно безобразной стычки с Соболевским.

Театр! Придумал же, идиот! Он что, реально рассчитывал, что я клюну на этот дешевый трюк? Да уж. Мало того, что противный, так еще и тупой как валенок. Господи, свалился же на мою голову!

Вздохнула и достала телефон, чтобы набрать другу. Ответа долго ждать не пришлось.

– Привет, Аленка, – радостно приветствовал меня Антон.

– Привет, борец с хулиганами. В гости пустишь? Хочу посмотреть на твой побитый фейс, – наигранно хохотнула я.

– Конечно! Адрес сейчас скину смской, как раз дома никого. Чай будешь?

– Будешь, – радостно подпрыгнула я на месте и припустила дальше.

И уже через двадцать минут я сидела на светлой кухне Карташова и с ужасом смотрела на его многострадальную физиономию. Даже мурашки по коже пробежались туда-сюда, так мне было его жаль.

– Больно? – сморщилась я.

– Да фигня. Моя гордость пострадала больше, – отмахнулся парень и принялся улыбаться мне, как шальной.

– И что за хулиганы завелись у нас на районе? – допытывалась я.

– Хулиган, – покачал головой Антон, – а я и не знаю, кто он такой. Ни разу не видел.

– Надо бы в полицию заявить, – вздохнула я.

– Вот и мама разошлась с этим предложением. Хорошо хоть,[A20] отец осадил. Она у меня паникерша, знаешь ли. А что, мальчишки подраться не могут? Могут. Это так-то святое дело вообще-то.

– Святое, – фыркнула я.

– Святое, – кивнул друг.

– В школу из-за синяков не пошел?

– Да мать не пустила. Прикинь, тональник мне свой подсунула! Вот мы с отцом ржали. Как кони! Но маман у меня бывает упертой, сказала, что с таким гримом в школу идти моветон, – рассмеялся Антон.

– Да нормально. Вон Соболевский тоже притащился разукрашенный. Сказал, что шайбу на льду не поделили, и всего делов, – скривилась я и отпила ароматного чаю.

– Ага, не поделили. Шайбу…

– А? – подняла я на него глаза.

– А давай в кино пойдем, раз с театром у нас не получилось? – неожиданно сменил тему Антон.

– А давай, – закивала я активно.

– А когда?

– А когда хочешь? – И мы заливисто рассмеялись друг другу.

– Да хоть каждый день. – И парень утвердительно задвигал головой, смешно поджав губы.

– Там столько фильмов не показывают, – все смеялась я.

– И то верно. Тогда давай в субботу, сразу после занятий?

– Супер, – протянула я.

Мы еще долго с ним разговаривали, пока мама не начала усиленно бомбардировать мой телефон. Пришлось собираться домой: мытье подъездов никто не отменял. Уже прощаясь, я наконец-то спросила Антона:

– А в школе тебя когда ждать?

– Как только мать уломаю, – неопределенно пожал плечами парень, и на том мы расстались.

Жаль, но вторник и среду Антон все так же отсутствовал на занятиях, но зато во время них мы постоянно переписывались с ним, а после я бежала к нему в гости. И мы пили чай, а потом обсуждали учебу, погоду, те города, в которых он жил, и еще много всего интересного.

И я совершенно не замечала того, что происходило вокруг меня в стенах школы. Не обращала внимания на презрительные взгляды одноклассниц и уж тем более на прищуренные в гневе глаза моего заклятого врага. Вот на него мне точно было плевать с высокой горы.

У меня появился друг! Настоящий!!! И никто его у меня не отберет. Вот так-то!

В четверг на учебу наконец-то пришел Антон. И началась настоящая грызня. Казалось, Карташов и Соболевский не упускали ни одной возможности достать друг друга. Тычки, очевидная провокация, оскорбления и откровенный прессинг на физре. И мне было страшно думать, что же будет дальше…

– Антон, этот идиот специально тебя цепляет. Зачем ты на него ведешься? – причитала я, пока мы шли до торгового центра, чтобы сходить там в кино.

– Мне нравится его бесить, – непринужденно пожал плечами парень.

– Он лидер мнений в классе, да и не только. Он может устроить тебе крупные неприятности, знаешь ли, – качала я головой.

– И что, мне теперь дрожать как мышь и прятаться под парту при его приближении? – рассмеялся друг.

– Нет, но…

– Аленка, все путём. Не переживай за меня. Прорвемся, – схватил меня Антон за руку и быстрее потянул в здание, спасаясь от накрапывающего дождя.

– Дурак, – шутливо дуксанула я его по плечу, – я, вообще-то, переживаю за тебя. – Но в ответ мне был все тот же веселый смех.

Мы выбрали какую-то молодежную комедию, но до сеанса еще была туча времени, поэтому поступило резонное предложение:

– Может, пока в кафе? Посидим немного, съедим по пицце. Как тебе идея?

– Я только за, – улыбнулась я, и мы прошли на территорию фудкорта, где Карташов выбрал для нас аппетитную «карбонару» и еще прихватил по мороженому.

А потом мы расположились за столиком у окна.

– М-м, ощень вкушна! – набив полный рот пиццей, прошамкал Антон, и я прыснула от смеха, а потом точно так же с энтузиазмом накинулась на свой кусок угощения.

– О да! Пища богов, – закивала я, и мы планомерно уничтожили все, что было на тарелке.

А потом я потерла затылок и завертела головой.

– Что такое? – спросил парень.

– Да так, показалось, – отмахнулась я, хотя явственно чувствовала на себе чей-то липкий взгляд. Снова!

– Бывает, – тепло улыбнулся мне Антон. – Слушай, я отойду на пять минут, и пойдем в зал, а то уже скоро начало. Ладно?

– Без проблем, – кивнула я и принялась ждать, пока друг вернется из уборной.

Пять минут. Десять. Пятнадцать…

Пока ждала, засмотрелась на вечерний городской пейзаж, на беспрерывное движение на кольцевой автодороге, на рваный закат… Пока стул напротив меня снова не отодвинулся и на него не сели.

– Не скучаешь? – Я замерла, а затем медленно прикрыла глаза, не веря в то, что вижу.

Соболевский. Собственной отвратительной персоной.

– Где Антон? – совершенно спокойно спросила я.

– Ах, Антон, – почесал указательным пальцем лоб мой заклятый враг, потом цыкнул и продолжил будто бы нехотя: – Просил передать тебе, что свидание не задалось и он смертельно устал от твоего общества.

– Что ты сделал с ним? – И я приказала своему подбородку не дрожать.

– Что сразу я-то? – Он хохотнул, склонил голову набок и долго на меня смотрел, пока не выдал сущую ерунду: – Ты сама выбрала неправильного кавалера. Вот и итог.

– Как же я ненавижу тебя, – в сердцах откинула я салфетку и прошипела в его наглое, совершенно невыносимое лицо.

– Отлично! Просто прекрасно! Потому что я тебя тоже на дух не переношу! – И он резко махнул рукой перед своим лицом, а потом и отвернулся.

– Да пошел ты! – встала я на ноги и решительно двинулась в сторону выхода.

– Ну и пойду, – прилетело мне в спину.

И я кинулась к залу – никого, а потому начала беспрерывно звонить Антону на мобильный, но он, увы, был выключен. Я обреченно опустила руки и уставилась на свои дешевые дерматиновые балетки, а потом подняла глаза к потолку, понимая совершенно точно, что раскисаю.

Выбежала на улицу и домой, уже не контролируя те слезы, что без остановки текли из моих глаз.

Скотина! Мерзавец! Негодяй!

Опять всё испортил, подлец окаянный!

Так, в расстроенных чувствах, и добралась до дома, а потом уже у самого подъезда обернулась.

Стоит, собака сутулая, смотрит на меня своими черными глазищами, кайфует оттого, что вновь довел меня до ручки. И словно обещает мне настоящий ад на земле.

И ведь так оно и было.

Глава 11 – Обещания нужно выполнять

POV Алёна

Конечно, Антон извинился за испорченный поход в кино. Конечно, мы еще раз пошли туда на следующий день – и теперь уже успешно. И конечно же, в школе между Карташовым и Соболевским началась настоящая война. Драки теперь стали делом обыденным, и приходилось чуть ли не каждую неделю разнимать дерущихся мальчишек, словно петухов.

И никто не хотел уступать.

Вдобавок ко всему Антон был не силен в точных науках, что стало пищей для нашего общего врага.

– Идиот, – кричал с задней парты Соболевский, — это многочлены!

– Сам ты многочлен, – огрызался Карташов, и весь класс вместе с учителем давился смехом.

– Наверное, Антон, – пыталась успокоить галдящих учеников учительница, – Никита пытается тебе подсказать, что тут необходимо использовать разложение многочлена на множители.

– Господи, – орал Соболевский, – да какое ему разложение? У него мозг еще в прошлом веке разложился.

И класс снова заходился в приступе дикого веселья.

Зато отыгрывался мой друг на уроках русского и литературы, высмеивая кривой и неказистый почерк Соболевского и его провальные попытки пересказать «Смерть Ермака», а также пояснить связь литературы с историей, взаимовлияние этих гуманитарных наук, их сходство и отличие.

– Ну, это дума, – со скрипом выдавливал из себя ненавистный одноклассник.

– Елена Петровна, не пытайте Никитку, – выкрикивал со своего места Антон, – он у нас больше трех слов за раз сложить не способен.

И это было началом конца.

До новогоднего бала мальчишки дрались семнадцать раз. Семнадцать! Ко всему прочему, была и порча имущества. Карташову топили портфель, воровали с концами сменку, приклеивали на суперклей туфли к полу, и прочее, и прочее.

И конечно, это закончилось тем, что в школу снова и снова начали вызывать родителей враждующих кланов. Прямо Монтекки и Капулетти, черт их раздери. Но, как это ни парадоксально, виноват всегда оставался Карташов.

Почему?

Как оказалось, отец Соболевского был активным спонсором нашей школы. Он обновил компьютерный класс, закупил интерактивные доски, новые баскетбольные мячи, лыжи и даже сделал капитальный ремонт в актовом зале. Короче, святой!

И конечно, на этом фоне истерящая мать Карташова выглядела не здорово, если не сказать больше. И в один не прекрасный день её терпение закончилось.

И то был для меня апокалипсис.

– Как… как переводишься в другую школу? – сморгнула я слезы паники и недоумения.

– Так, Алёнка, – зло ударил Антон кулаком по ни в чем не повинной стене, – мать уже все решила, типа это не наша война и все такое.

– А я тебе говорила! – вдруг взвилась я. – Говорила, не провоцируй его! А ты чего? Мне нравится его бесить… Добесился? Теперь ты доволен?

– Алёнка, – попытался успокоить меня парень, но куда там.

– Ты обещал, что не бросишь меня! Обещал! – И подбородок отчаянно задрожал.

– Я думал, что защищаю тебя. От него! – досадно поморщился Карташов.

– А надо было защищать нас! Ясно тебе?

И звенящая тишина воцарилась между нами. Глаза в глаза, и я не представляю, как буду учиться без него дальше. Это какой-то сюр. Страшный кошмар. Разбудите меня, пожалуйста!

– Чё, посремся на прощание, Аленка? – в сердцах пинает он лавку, с которой я только что подскочила.

– Я этого не хочу, – надула я губы и покачала головой, совсем как обиженный ребенок.

– Ну так и я тоже. Иди сюда. – И Антон раскрыл свои объятия.

И я тут же в них утонула.

– Я же не в другой город уезжаю, Алёнка, – шептал мне Антон, пока гладил меня по голове.

– На другой конец города, а это все равно что на Луну, – причитала я.

– Да ладно, будем встречаться на выходных. И вообще, мы всех победим. Да?

– Да, – отвечала я ему, хотя уверенности в своих словах не чувствовала от слова «совсем».

И правильно делала.

Почти сразу после Нового года, в начале февраля, я узнала, что отца Антона снова переводят. На этот раз из нашего города на Неве в далекий Симферополь. Я плакала почти навзрыд, когда провожала своего друга так далеко и не знала, смогу ли увидеть его вновь.

Обещания писать и звонить повисли между нами, а последние слова друга навсегда отпечатались на подкорке.

– Мне так жаль, что ты уезжаешь, – без конца шептала я ему.

– А мне жаль, что я так и не решился тебя поцеловать, Алёнка, – смотря мне прямо в глаза, грустно и хрипло выдавил из себя Антон.

– П-поцеловать? – ошалело округлила я глаза.

– Поцеловать.

– А зачем? – недоуменно выпучила я на него глаза.

– Ну, – кивнул парень, – чтобы ты меня навсегда запомнила.

Я же только отстранилась и с подозрением на него посмотрела, а потом и выдала:

– Я и так на память не жалуюсь. И мы друзья, вообще-то. Какие еще такие поцелуи? – почти шепотом докончила я свою речь.

– Забудь, – отмахнулся Антон спустя секунду замешательства, – я просто пошутил.

– Да? Оно и слава богу, – улыбнулась я и снова прижалась к почти родному человеку.

А потом он уехал. А я осталась совсем одна.

И в первый же день своего одиночества мне на больную мозоль надавил мой самый страшный кошмар.

Соболевский.

– Ну я же обещал, что это все будет ненадолго. А обещания нужно выполнять, Княжина, – наклонился он надо мной, пока я понуро полировала парту невидящим взглядом.

– Изыди, – зло вытерла я слезы и буквально прорычала ему свое требование.

– Мечтай, – усмехнулся мой заклятый враг и, насвистывая, удалился.

Ненавижу!!!

Глава 12 – Под раздачей

POV Алёна

Остаток восьмого класса было относительно тихо. Нет, меня, конечно, шпыняли девчонки, высмеивали дешевую обувь, старенький, побитый жизнью телефон и убогую куртку, что маме отдала в дар какая-то коллега по работе. Но я держалась. На голом энтузиазме, конечно, а еще благодаря переписке с Антоном, что бесконечно слал мне фотографии Крыма, рассказывал о новой школе и о том, что там у него почти сразу завелась толпа друзей.

И я понимала, что наше общение совсем скоро сойдет на нет. Так и случилось.

Новые интересные товарищи, учеба, тренировки. А в конце учебного года у Антона появилась девушка, которая совсем не желала понимать нашу дружбу.

Так в один дождливый день мая мне на телефон пришло сообщение от незнакомого абонента со следующим содержанием.

«Перестань писать Антону. Он общается с тобой из жалости. Ты знала? Он мне рассказал, что ты аут в своей школе. Но хватит уже быть пиявкой. У него другая жизнь, тебе больше нет в ней места».

Я тогда проплакала целый день, даже в школу не пошла, сославшись матери на плохое самочувствие. И она в кои-то веки пошла у меня на поводу. Но мне реально еще никогда не было так больно. Ведь это было самым настоящим предательством!

Я же думала, что мы настоящие друзья: я и Антон. Вместе против целого мира. А теперь меня просто пнули под зад, как безродную псину. Что ж, пришлось усвоить и этот жизненный урок. Ведь больше мне Антон так никогда не позвонил и не написал. Просто исчез, как будто его никогда и не было.

Вот так точку в нашей дружбе поставил какой-то незнакомый человек, а не парень, которого я считала лучшим другом.

В остальном же полгода обучения прошли сравнительно ровно. Презрительные взгляды Соболевского я в расчёт не беру. У него вечно физиономия была такая, будто бы у него живот скрутило. Ну хоть драки в школе закончились, и то хлеб.

Но вот девятый класс…

Короче, за минувший год мои девичьи прелести претерпели еще большие трансформации, теперь тугие топы меня не спасали. Да! А мама моя уж больно была недовольна тем, что я вечно натягиваю на себя балахоны, безразмерные кофты и юбки ниже колена, которые я все же вынудила ее купить мне. И вот перед первым сентября мать моя решила снова, как и в прошлом году, сказать свое «фи». И ей было плевать, что я думаю по этому поводу. А потому на парадную линейку я пришла, демонстрируя то, что раньше тщательно скрывала.

Юбка чуть выше колена, блузка по фигуре и такой же кардиган – и вот уже парни смотрят на меня слишком пристально, а кто-то даже свистит вслед и орет:

– Нифасе! Зачетные буфера!

Или еще вот:

– Оу, Княжина, обалденные ножки! Может, сгоняем на свидание, а потом я устроюсь между ними?

Вот только восторженные вопли однокашников продлились недолго.

Началось все достаточно безобидно. Меня толкнули в холле, и я выронила сумку, из которой на пол и под удивленные взгляды многочисленных учащихся выпала брошюра с провокационным названием:

«Мама в 15 лет. Роды без страха».

Зашибись! Это была настоящая сенсация!

В тот момент мои глаза будто сами собой нашли стоящего в отдалении Соболевского в окружении своей свиты прихлебателей, и сложенные на груди руки, а также мерзопакостная улыбка на его лице говорили мне только об одном: он доволен. Гад!

Что по его вине мне только не пришлось пережить!

Мать орала как безумная, после того как классная и директор прочли ей лекцию о правильном воспитании девочек. А затем затребовали от родителей справку от гинеколога, что никакой беременности у меня нет и быть не может.

Только в школе никому не было дела до моих справок. Начался новый виток травли. И теперь как только меня не обзывали. Самое терпимое из всего этого было «падшая женщина». Ну надо же, еще женщиной стать не успела, а уже падшая! Но да, поток яда лился на меня со всех сторон.

И кто в этом виноват? Вопрос из разряда риторических.

Как итог – парни больше не смотрели на меня заинтересованно, а только брезгливо. И лишь заклятый враг прожигал своим черным взглядом, а затем, когда я однажды с ненавистью уставилась на него в ответ, вопросительно приподнял бровь и спросил:

– Что, Княжина? Помощь нужна с агрессорами? Жалкий кусок дерьма мог бы и помочь по старой дружбе. – Он смеялся надо мной, об этом говорили его желваки, что играли на его скулах.

– Себе помоги, – огрызнулась я и ушла в закат.

В начале декабря я слегла с ангиной. Болела долго, а после, казалось бы, полного выздоровления у меня пошли осложнения. Как итог, я провалялась в больнице до середины января. А когда снова вернулась в школу, то класс загудел новой душераздирающей новостью.

Оказывается, я родила. И не абы кого, а аж целую двойню! Какая ангина? Вы что! Просто байка для отвода глаз…

– Княжина, ты бы свалила уже из школы и не позорилась, – изводила меня в раздевалке перед физрой Ника Ткачева. – Думаешь, никто не знает про твой выводок? Ха-ха! А мы-то думали, твои буфера просто так наросли, так сказать, магическим образом, а теперь все стало на свои места. И кто у нас счастливый папа, м-м?

Но я упорно продолжала молчать, надеясь только на одно: им рано или поздно надоест меня травить и обсуждать. Но, боже, как же я была наивна и глупа в то время!

Стоило только одной выдумке затихнуть, как в школьное пространство запускалась новая, еще более животрепещущая сенсация. Снова, снова и снова. И так весь учебный год!

Вот кто-то будто бы видел, как я тайно вышла замуж за престарелого друга семьи. А вот кто-то сказал, что родители меня вообще чуть ли не за долги продали. Кто-то якобы заметил, как я сидела в местной поликлинике на прием к врачу-венерологу, а потом и к врачу-дерматологу. А еще, по слухам, я покупала в аптеке себе слабительное, препараты от метеоризма и педикулеза, тесты на беременность, всем известную защиту и еще много всякой ерунды, совсем ненужной для прилично воспитанной девчонки пятнадцати лет.

Конечно, это было унизительно, если не сказать больше. Но в школе я была равнодушной скалой и только дома, за закрытой дверью собственной спальни, позволяла себе разбиться, а потом давала волю слезам и ревела так, что срывала голос. Только вот, как известно, слезами горю не поможешь.

Тем более я точно была в курсе, кто тот демон, что отравляет мою жизнь. Но прогибаться я не собиралась, ибо знала, что именно ему нужно. Однажды я нечаянно подслушала разговор лучшего друга Соболевского – Кирилла Решетова – и еще одного парня с нашей параллели.

– Что-то вы уже переборщили, Кир. Девчонку совсем затюкали. Хорошенькая такая.

– Ты только Соболю не вздумай этого сказать, сразу зубы растеряешь. Да и не хочет он пока тормозить, ждет, пока она сама к нему придет и попросит остановиться.

– А, так вот в чем смысл, – протянул парень.

– Стратег херов, – заржал Кирилл, а я тут же выпала в нерастворимый осадок, опускаясь на скамью и зажимая рот ладонью, чтобы не заорать в голос.

Он хочет, чтобы я начала умолять? Сволочь! Да никогда этого не будет!

Никогда!!!

Вот так и прошел мой девятый класс. Соболевский меня закапывал, а я упорно выгребала из этого дерьма.

И да, впереди совершенно точно меня ждали еще два года ада, но успокоение пришло оттуда, откуда я его даже и не ждала.

Глава 13 – Что-то невероятное!

POV Алёна

Лето перед старшими классами прошло, как обычно, у бабушки в деревне. А после у меня случилась знаменательная встреча. И с кем бы вы думали?

Я пошла на почту по просьбе отца, нужно было отправить какие-то его анализы в Москву, и на обратном пути встретила Курочкину. Мы столкнулись на улице почти лицом к лицу, и я уж было подумала, что она пройдет мимо, но тут Алла вдруг мило мне улыбнулась и выдала:

– О, привет, Аленка!

– Привет, – почти в ступоре выдала я, недоуменно взирая на маленького карапуза, что сидел в коляске, которую толкала перед собой Курочкина, и увлеченно грыз огромную сушку.

– А мне девчонки рассказывали, что ты здорово изменилась, но я им не верила. Круто! И теперь ты совсем не Доска, – рассмеялась бывшая одноклассница, и я незаметно ущипнула себя за руку. Больно – значит, не сплю.

– Да ничего особенного, – отмахнулась я.

– А это Ванечка, – кивнула она на малыша и присела рядом с ним на корточки, – он… он мой… братик.

– Такой хорошенький, – улыбнулась я, и карапуз ответил мне взаимностью, – сколько ему?

– Да он просто лучше всех! Вчера исполнилось полтора годика. Мой маленький мужичок, – потрепала Алла ребенка по голове, а потом глянула на часы. – Ё-мое[A22] , Алёнка, мне пора! Опаздываю в поликлинику! А так бы с удовольствием с тобой поболтала, – с сожалением поджала губы и помахала мне на прощание, а я ей.

Но вот уже Курочкина скрылась за поворотом, а я так и осталась стоять, недоуменно хлопая глазами. Не, ну вы видели это? Кто она вообще такая и куда дела стерву Аллочку?

Дела…

Но все мысли пришлось отставить в сторону, так как новый учебный год захватил меня с головой. И как снег на голову прилетело указание – срочным образом пройти медицинскую комиссию с участием узких специалистов. Пришлось выполнять. Но, в отличие от прошлых лет, когда нам позволялось сделать все в частном порядке, сейчас нас собрали в кучу и погнали в поликлинику.

И, наверное, вы догадываетесь, какой кабинет стал самым популярным у шестнадцатилетних подростков. Правильно, садитесь, пять!

Я нарочно выжидала время, чтобы пройти гинеколога самой последней, невольно привлекая к себе навязчивое и нездоровое внимание. Кто-то хихикал за спиной, кто-то в голос высказывал оскорбительные предположения на мой счет, вот только мне было уже плевать. За последний год я хапнула столько грязи, что броня моя стала в разы крепче.

Они больше не заставят меня плакать!

И вот мой черед.

Прошла в стерильное прохладное помещение, затем честно ответила на все поставленные мне вопросы, передала разрешение на осмотр от мамы и взобралась в специальное кресло. Я уже делала это год назад, когда меня опозорили перед всей школой. Сделала и сейчас. Ничего не изменилось.

А потом каким-то немыслимым образом мою медицинскую карту вытащили из моей сумки, пока я стояла в очереди к окулисту, и пустили по рукам, улюлюкая и закатываясь смехом.

– О, глядите-ка, – орала как резаная Дина Кабаева, – половую жизнь отрицает.

– Конечно, отрицает, нарожала спиногрызов, больше не хочется, – переходила на визг от смеха Ника Ткачева.

– Практически здорова, – взвыла от веселья Марина Головченко, – конечно, пролечилась у венеролога, вот и здорова.

– А что значит «virgo»? – вдруг спросила Рита Буева.

– А ну, рот закрыли, – гаркнул вдруг откуда ни возьмись появившийся Соболевский, а потом и вовсе выдернул из рук девчонок мою медицинскую карту, затем подошел и сунул ее мне.

Приняла, но даже глаза на него поднимать не стала. Само бы рассосалось, нечего было влезать.

– Мы просто прикалывались, Соболь, ты чего? – развела руками Ника.

– Я сказал захлопнуть варежку, Ткачева. Захлопнуть и не открывать, пока я не разрешил. Ваших куриных мозгов хватит, чтобы усвоить такую простую информацию?

И в коридоре тут же воцарилась звенящая тишина. Никто не смел возразить Соболевскому, даже я, не желающая принимать его помощь, просто развернулась к окну и уставилась вдаль, слушая приглушенные, едва слышные шепотки.

– Чё, реально Княжина девственница?

– Ничоси дела!

– Говорили, что она в прошлом году лечила…

Дальше слушать не стала. Просто впала в режим ожидания, а потом, словно послушный робот, вошла в кабинет офтальмолога, услышав свою фамилию. А потом домой, чтобы смыть с себя липкие взгляды и тошнотворное внимание. Нормально. Просто я стала еще сильнее, вопреки всему и вся.

Ведь если я не смогу этого сделать, то меня сожрут. И не будет больше Алёны Княжиной. Никогда…

А дальше начало происходить и вовсе что-то невероятное. Но меня реально больше не цепляли в школе. Никто. Ни девчонки. Ни мальчишки. Хотя последние пару раз подходили под странным предлогом со мной поболтать. Так было с первым красавчиком нашей параллели Сашей Павловым.

Вот только проходящий мимо Соболевский вдруг вскинул удивленно бровь и почти миролюбиво улыбнулся парню, что пытался завести со мной диалог.

– Хэй, Санчо, а я тебя как раз искал. Ты представляешь? Дело есть на миллион. Пойдем со мной, дружок.

– Соболь, ну ты чё, не видишь? У меня тут дело на два миллиона. – И многозначительно кивнул на меня, чем невероятно смутил.

– Ничего, подождет тебя твое дело. – И оба парня скрылись за поворотом.

Вот только Павлов не вернулся и больше с разговорами ко мне не подходил.

Еще один раз меня на свидание пригласил Женя Куликов из одиннадцатого класса. Я ему трижды отказывала, но потом все же согласилась просто прогуляться после уроков. Спустя два часа Женя написал мне смс, что не сможет пойти со мной на прогулку. И все, Куликов больше в моей жизни не отсвечивал.

Единственным, кто продолжал трепать мне нервы, был Соболевский.

Казалось, он не упускал ни одного случая, чтобы зацепить меня. Третировал на физре, изгалялся на уроках, отпуская саркастические, наполненные ядом замечания, и, конечно же, бесконечно высверливал дырку в моей голове.

– Что, Княжина, совсем с баблом у предков твоих худо, м-м? Юбка-то коротковата стала, не пора ли что-то прикупить по возрасту? Еще немного, и начнешь труселями сверкать.

А один раз я рискнула стащить у мамы немного косметики. Все девочки в классе уже подводили глаза и красили ресницы, но только не я. И вот я решилась, захотелось. Пришла в школу и почти с порога получила от Соболевского дерьма на лопате.

– Бог ты мой, Княжина! Ты боевой раскрас не по адресу навела. Тут школа, а не публичный дом!

Спустя десять минут я все соскабливала под холодной водой в туалете. И больше не красилась. Стеснялась. Почему? Да черт его знает!

Да, много чего было, вот только все отошло на второй план, когда на мой телефон в один ноябрьский хмурый день пришло сообщение от неизвестного адресата:

«Привет, Алёна».

И все. Тишина. А потом я заглотила наживку и ответила.

«Привет. А кто это?»

Ответом мне было странное и пугающее:

«Твой тайный поклонник».

Глава 14 – Тайный поклонник

POV Алёна

Конечно, внутренности окатило кипятком. И конечно, я тут же выключила телефон, а потом и спрятала его под подушку. А я-то, глупая, думала, про меня забыли. Почти перестали цеплять и травить, почти дали возможность вздохнуть полной грудью. А оно вон как. Новый жестокий розыгрыш.

Поклонник! Как же! Так я и поверила…

Только вот и на том конце провода сдаваться никто не собирался. И сообщения посыпались как из рога изобилия. Помимо стандартных фраз типа «доброе утро» и «сладких снов», приколист выдавливал из себя и кое-что дельное, а иногда даже очень полезное. Например, вот:

«Сегодня дождь передают. Не забудь зонтик».

Или вот:

«Очень ветрено. Надень шапку, а то простудишься».

Но я упорно игнорировала эти сообщения. Да, читать – читала, но отвечать боялась. Знала, что стоит мне дать слабину – и в меня вцепятся мертвой хваткой. А мне как бы хватит уже. Почти нормальная жизнь, почти никто не цепляет, кроме Соболевского, конечно же. Этот придурок все никак не упускал шанса меня извести.

Он все время находил к чему прицепиться, вот и сегодня не удержался.

– Княжина, горемычное ты создание. Тебе монет отсыпать на новую куртку? Ты эту рвань, вообще, где – на помойке нашла? Или с бомжа какого стащила? – И ткнул пальцем в дырку, что поползла по шву моей многострадальной одежки. Конечно! Мне родители каждый год модные шмотки не покупают. Приходится по несколько лет донашивать с чужого плеча.

Вот только наглым мажорам, таким как Никита Соболевский, этого не понять. И потому я лишь молча отбила его руку, словно ядовитую змею, и, обогнув его по широкой дуге, двинула в сторону выхода из школы.

И тут сообщение от Него – Тайного Поклонника:

«Алён, надо одеваться потеплее. На улице уже совсем холодно становится».

Да знаю я! Но что поделать, если основной бюджет семьи уходит на лечение отца, которому в последнее время стало значительно хуже. А тут я со своими куртками? Перебьюсь как-то!

Насупилась, вновь сунула телефон в карман обшарпанного рюкзака, оставив сообщение в который раз без ответа, и потопала в сторону дома, кутаясь в невысокий отворот своей многострадальной верхней одежды.

Пока добежала до дома, совсем околела. Глянула на себя в зеркало на входе и тихо ахнула. Нос красный, губы синие, щеки бледные, как у умертвия. Да уж, красавицей, о которой так усердно пишет мне Тайный Поклонник, тут даже и не пахнет.

И где он эту красоту углядел?

Почти каждый день распинается. То прическа у меня необычная, то осеннее солнце в волосах запуталось, то глаза голубые, как небо, то губы алые, как закат. Почти поэт, знаете ли. Но я все это просто пропускала через себя вот уже ровно месяц и даже мысли не допускала переходить в этом общении на новый уровень.

Но у загадочного анонима, видимо, были другие планы. Новое сообщение прилетело мне уже на следующий день, как раз на уроке химии, и я незаметно достала телефон из сумки, чтобы прочитать, что же такого опять мне наваял Тайный Поклонник.

«Хочу, чтобы ты знала. Я в эту школу хожу только из-за тебя».

Усмехнулась. Ага, три раза ага. А аттестат? П-ф-ф, да зачем? Ой, враль! Но стоило только засунуть телефон в кармашек рюкзака, как он завозился опять. И снова я не смогла сдержать свое любопытство.

«Не представляю, как это – жить и не видеть тебя каждый день».

Но я опять только хмыкнула и сунула телефон под тетрадь, чтобы не засветиться перед строгим учителем. А уже в следующее мгновение еще раз уставилась в экран на очередной месседж.

«Ненавижу выходные. Там нет тебя».

Господи! Ну вот что он несет?

А потом весь класс неожиданно вздрогнул из-за громкого возгласа нашего преподавателя. Женщиной она была суровой, жесткой и своеобразной, вот только нашему мажору, по всей видимости, было на это плевать.

– Соболевский, а ну, неси сюда телефон!

– Нет, – очень спокойно и твердо ответил одноклассник.

– Что значит «нет»? – резонно возмутилась женщина, а я рискнула обернуться на задние парты.

– Это значит, что я оставлю телефон у себя и не принесу его вам. – А потом сунул гаджет в задний карман брюк и откинулся на спинку своего стула, складывая руки на груди.

– Это возмутительно! – завопила учительница.

– Согласен, – кивнул Соболевский и впился в меня таким страшным, пробирающим до костей взглядом, что меня передернуло и я отвернулась. Уф, какой же все-таки неприятный тип!

Они еще минуты три пререкались между собой, пока невыносимый одноклассник не заявил, что тема скучная, а потом вышел к доске и за две минуты расписал пример, что почти двадцать минут пыталась донести до нас химичка. Уделал преподавателя, ничего не скажешь.

И, возвращаясь к своей парте, он снова смотрел на меня. Смотрел, не отводя глаз, а пройдя мимо, пробежался пальцами по моей парте, потом и по моей левой руке, чем здорово меня напугал. Боже, да что ему надо от меня? Скотина!

Но больше до конца недели мой враг меня не доставал, а в субботу я пришла домой и облегченно развалилась на диване, пока не услышала характерную вибрацию. Телефон выудила из сумки со скоростью света, а потом уставилась на непонятные слова:

«Ну как? Понравились?»

Я даже зависла. Понравились? Что, когда, зачем и почему? Но ответов у меня не было. Пока я не принялась разбирать рюкзак и не достала из него коробку очень дорогих конфет. Крутила их и так и сяк, а потом отложила на полку и приказала себе не трогать сомнительную сладость. А спустя еще полчаса прилетело новое сообщение:

«Внутри трюфельная начинка… ладно, жаль, что не понравились».

И я впервые дала слабину и все-таки, скрипя зубами и отчаянно кусая нижнюю губу, натыкала ответ:

«Понравились, но дарить больше ничего не надо».

Ответ прилетел почти мгновенно:

«А что надо? Что ты любишь? Если не шоколад, то, может быть, мармелад? Или зефир? Пастила, вафли, пряники?»

Я фыркнула от такого напора, а потом грустно улыбнулась. А правда, что я люблю? Не знаю. Сладкое в нашей семье было нечасто. Если быть точнее, то на Новый год и дни рождения. И никогда мы не покупали дорогих угощений, а вместе с мамой пекли простенький торт или плюшки, а потом пили чай всей семьей и радовались этим мелочам. И пока я думала над всем этим, прилетело еще одно сообщение:

«Алёнка, а ты вообще сладкое хоть любишь?»

И вот тут я ответила максимально честно:

«Наверное, люблю».

После этого моего сообщения аноним больше ничего не написал, но зато начал основательно заваливать меня разнообразными сладостями. Как он и, главное, когда умудрялся все это засовывать в мой рюкзак? Не спрашивайте, сама не знаю. Вот только каждый божий день я приносила домой что-то вкусное и уже не могла сдержаться, чтобы не попробовать. А потом отвечала на очередной вопрос анонимного дарителя.

ТП: «Ну как?»

Я: «Спасибо. Очень вкусно!»

А затем как-то неожиданно вопросы пошли дальше. И вот мы уже вовсю переписываемся на тему общих интересов, обсуждаем учебу, последние новости в стране и даже шлём друг другу всякие смешные картинки, видео и клевую музыку.

В ноябре начинаем смотреть сериал и активно обсуждать его. Потом читать одни и те же книги, вступая в жаркие баталии, разбирая сюжет. И вот уже день не начинается без приветственных сообщений и не заканчивается без них. Правда, есть во всей этой странной для меня дружбе одно но, и однажды, уже накануне Нового года, я решаюсь задать вопрос сама, чтобы уменьшить границы.

Я: «Как тебя зовут?»

ТП: «Это так важно?»

Я: «Ну ты же знаешь мое имя».

ТП: «Если я скажу тебе, то перестану быть Тайным Поклонником».

Я: «И что? Может быть, уже самое время перестать им быть».

ТП: «А вдруг я тебе не понравлюсь?»

Я: «Ты паришься из-за внешности».

ТП: «Да».

Я: «Ну, я считаю это глупостью, конечно».

ТП: «Мне нужно время».

И я его ему дала. То, что он просил, и больше к этой теме не возвращалась, снова окунаясь в беззаботное общение. Ведь я была так захвачена им, что уже не замечала вокруг себя ровным счетом ничего. Так и в последний учебный день декабря я шла по пустым школьным коридорам и самозабвенно печатала Тайному Поклоннику очередной ответ на какое-то его сообщение. Пока не столкнулась со стеной. Точнее, с Соболевским. Врезалась смачно, да так, что тут же шлепнулась на задницу и выронила свой телефон, который тут же подобрал ненавистный одноклассник.

– О-у, Княжина, что у нас тут? – уставился он в открытый мессенджер. – Ого, любовная переписка? И кто он? Из нашей школы экспонат? Нравится тебе?

– Отдай! – подскочила я к нему и попыталась забрать трубку, но он только поднял руку выше и улыбнулся, будто маньяк.

– Нравится или нет? – водил он рукой над своей головой, пока я прыгала вокруг него, словно глупая обезьяна. Вымахал «шкаф» проклятый, куда мне, метр с кепкой, до его грабарок дотянуться.

– Ты глухой? Отдай телефон, сказала! – зарычала я и с силой пихнула его в грудь, но он только схватил свободной рукой меня за запястье и вдруг прижал почти вплотную к своему лицу.

Хапнула полные легкие и опять почувствовала его необычной запах. А потом затихла, потому что глаза Соболевского сузились, а губы зашевелились слишком близко от моего рта.

– Нравится или нет? – с нажимом еще раз повторил он свой вопрос. И меня бомбануло. Да какого черта?

– Да! – выдохнула я, а потом еще громче: – Нравится! Очень нравится! И знаешь почему?

Но Соболевский только молчал и все еще держал меня в страшной близости от своего тела, пахнущего чересчур сладко. И я ответила ему:

– Потому что он не ты.

Короткий выдох и кривая улыбка, а уже в следующее мгновение Соболевский безмолвно вложил в мою руку телефон, развернулся и ушел.

Вот так вот. Шах и мат, гад!

Глава 15 – Козерог – это я…

POV Алёна

Если о противном однокласснике я забыла почти сразу, то вот Тайный Поклонник все не выходил у меня из головы. Ведь он замолчал! Мы ушли на зимние каникулы, и сообщения иссякли. Нет, конечно, когда часы пробили двенадцать раз, мне прилетело куцее и жалкое:

«С Новым годом, Алёна!»

Но на этом и все!

Наутро курьер доставил мне на дом коробку авторских конфет – клубнику в молочном и белом бельгийском шоколаде, – красиво оформленную и уложенную в подарочную упаковку. Мать и отец смотрели на меня с подозрением, но я только пожала плечами, не зная даже, что и ответить.

– В следующий раз проси, чтобы дарили деньгами, – хмыкнула моя мать и отобрала у меня коробку.

– Я не просила ничего, мам, – недоуменно произнесла я и посеменила за ней, наблюдая, как она ставит чайник на плиту. Электрического у нас никогда не было, да и дорого.

– А зря! Я давно заметила, что у тебя появился богатенький Буратино. Ну вот ты ему и намекни, чтобы в следующий раз не тратился на бесполезные подачки. Эта коробка знаешь сколько стоит? Ого-го! Нам этих денег хватило бы продуктов на целую неделю закупить, – расставляла на столе чашки мать, а отец молчал и бездумно глядел в окно.

– Подачки, – пробормотала я и села за стол, а потом все же попробовала пару дорогих конфет. Остальное родительница забрала и спрятала в холодильник.

– Хорошего помаленьку. До конца каникул растянем, нечего все сразу уминать.

– Но, мам, это свежие ягоды. Там на упаковке написано, что нужно съесть все сразу или в течение двух суток, – попыталась я хоть что-то ей противопоставить. Но куда там.

– Иди отсюда! Умная мне тут нашлась…

Как итог, остаток конфет съели без меня. Пока я на следующий день была в гостях у Аньки, к маме зашла какая-то женщина с работы и она решила ее угостить моим подарком. Конечно, я обиделась, но слова не сказала, правда, все равно за надутые губы получила от матери полотенцем по спине.

Но дарителю «спасибо» сказала. Написала Тайному Поклоннику целую простыню, сердечно поздравляя его с наступившим Новым годом, и рассыпалась в благодарностях за дорогой и редкий в зимнее время подарок.

И ничего…

Прочитал, но не ответил.

И я места себе не находила, хотя еще несколько раз пробовала пробиться через очевидный игнор, но тщетно. А последние три дня выходных номер абонента «Тайный Поклонник» и вовсе был выключен. И я поняла, что мне дали отставку. Как итог – каникулы прошли мимо меня. Даже аппетит пропал, да и с девчонками мне уже не было так интересно общаться, как с Ним. К тому же на уме у Аньки, Насти и Соньки теперь были одни мальчишки, косметика, тряпки и выпускной бал, на котором все три планировали дать сорвать свою вишню. Я же от этих планов приходила в тихий ужас и искренне верила, что мой первый раз будет только после свадьбы и обязательно с тем самым… самым лучшим и не таким, как все! А пока я даже не понимала, о чем таком толкуют девочки. Ну какая такая любовь и страсть? Боже правый!

И в школу я снова шла как на каторгу, зная, что где-то в этих стенах учится тот, кто больше не хочет со мной общаться. Не хочет желать мне доброго утра и сладких снов. Ничего больше не хочет. И дни тянулись бесконечной резиной – хмурые, скучные и ненастные.

В конце недели я стояла на большой перемене в столовой и бездумно разглядывала ассортимент выпечки у большой витрины, вообще не понимая, зачем тут обосновалась и почему. Наверное, это мышечная память меня сюда привела. Только вот есть не хотелось, а телефон по-прежнему молчал как партизан.

– Что зависла, Княжина? – вздрогнула я от ядовитого голоса Соболевского. – Гадаешь, куда состояние в три копейки потратить? Или ты так, только понюхать пришла?

Я подняла на него глаза и попыталась рассмотреть агрессора, но поняла, что там нет для меня ничего интересного. Пустышка. Дырка от бублика, который мне не по карману. И пусть он весь одет с иголочки, в модные тряпки и стильные кожаные ботинки, он все равно останется для меня дешёвкой.

– Ого! Это, что ли, в мою честь у тебя глаза красные? Напрасно, мне насрать. Или нет? Постой, – призадумался будто и постучал указательным пальцем по нижней губе, – а-а-а, так это тебя твой хахаль бросил. Да? Да! Ну вот, а ты говорила, он не такой, как я, – и хохотнул от души, сверкнув идеальной белозубой улыбкой, – а оказывается, у нас много общего, мы оба от тебя, мягко говоря, не в восторге. Прямо братья-близнецы, как посмотреть.

И рассмеялся от души, подзывая к себе буфетчицу.

Я же только торопливо вытерла слезу со щеки и развернулась, чтобы уйти, но тут же была остановлена Соболевским, что схватил меня за запястье и потянул на себя.

– Тебе губозакаточную машинку или булочку, Княжина? Подумай хорошенько, прежде чем отвечать, ибо это твой последний шанс на счастье.

И вновь глаза предательски налились слезами, я опустила веки вниз, и одна соленая капля сорвалась с ресниц. Зло отерла ее и подняла глаза, уставившись с вызовом в черноту взгляда своего персонального мучителя.

– Мне, пожалуйста, если можно, мир, в котором нет тебя. – Затем выдавила из себя улыбку на миллион, отсалютовала ему двумя пальцами, выдернула руку из его хвата и пошагала на выход из столовой, чувствуя себя полностью раздавленной.

А уже вечером, сидя на подоконнике и полируя взглядом морозные узоры на старенькой оконной деревянной раме, я вздрогнула от громкого звука входящего смс-сообщения. Поджала губы, но к трубке не бросилась, как было бы еще вчера или неделю назад. Сегодня слова Соболевского больно изрезали душу, потому что до тошноты были похожи на правду.

Вот только хватило меня ненадолго. Уже минут семь спустя я смотрела в экран телефона и вытирала очередную предательскую слезу:

«Я облажался, да?»

И мне хотелось орать: «Да!» – на всю вселенную, только вот не вышло. Я не понимала, что это было, но я не хотела заканчивать эту переписку. Он стал мне другом. И точка.

Я: «Я решила, что ты наигрался».

Написала честно, а потом нервно прикусила костяшку указательного пальца.

ТП: «Просто я подумал, что это общение приведет нас в никуда».

Я: «Вот только ты у меня забыл спросить».

ТП: «Простишь?»

Я: «Нет, буду помнить вечно. И в следующий раз уже не отвечу».

ТП: «Я учту».

Вы скажете, что я сильно легко сдалась, но ведь и случай у нас неординарный. Ну кто в современном мире дружит вслепую по переписке? А я дружила, и мне, черт возьми, все нравилось! Лучше так, чем в полном одиночестве.

Так и полетело время. Вот уже и десятый класс закончился, и наступили каникулы, а там уже двадцать пятое августа и мой день рождения. В этот год к бабушке я не поехала, осталась дома, так как мама почти все время была в больнице с отцом, которого упекли на очередную плановую терапию. А подъезды же кому-то надо мыть.

За этим делом я и отметила наступление своего семнадцатилетия. А вечером мне доставили огромный букет чайных роз и здоровенного плюшевого зайца. Мать опять причитала, а я была рада, что мои подарки не сможет смолотить вдруг пришедшая в гости мамина знакомая.

«Спасибо за поздравление! И за подарок! Но как ты узнал?» – тут же настрочила я сообщение своему Тайному Поклоннику, и ответ прилетел незамедлительно.

ТП: «Я про тебя знаю всё, Алёнка».

Я: «Ты меня пугаешь».

ТП: «Я сам себя пугаю».

Я: «А твой день рождения когда?»

ТП: «Первого января».

Я: «Почему раньше не сказал? Ах, ты… козерог! Вот ты кто!!!»

Но в ответ получила только кучу смеющихся смайликов и трогательное:

«А ты моя дева».

И снова переписки до глубокой ночи, обсуждение взахлеб всего, что только можно, и мои провальные попытки узнать о Тайном Поклоннике хоть крупицу конкретики. Имя, фамилия, адрес, какой класс? Ничего! Я знала только день его рождения и то, что он самый лучший собеседник на земле.

Так и наступил декабрь последнего учебного года, а за ним снова подкрался очередной Новый год. И я решила сыграть ва-банк. Поставила жесткое условие, хотя и точно знала, что в случае его отказа никогда не смогу отказаться от этого общения.

Я: «Первое января. Ты и я. Каток у ТЦ ровно в шесть вечера. Отказа не приму. В противном случае можешь смело удалять мой номер телефона».

Ответа я ждала несколько часов, а потом он все-таки согласился.

ТП: «Хорошо».

Одно слово. Шесть букв. А я радовалась, словно ребенок, которому подарили вожделенную игрушку. А еще я была счастлива, что смогу вручить своему Тайному Поклоннику подарок, что сама смастерила для него. Это была красивая широкая кожаная фенька с аккуратно вплетенными в нее черными матовыми бусинами. Красивая, ну вы бы видели!

И вот он – день и час икс. И я пришла немного пораньше, потому что хотела уже скорее познакомиться с Ним лично. Увидеть. Узнать. Поздравить его с праздником.

Но стоило мне только подойти к бортику залитого у ТЦ катка, как ко мне на бешеной скорости подлетел, а потом и виртуозно притормозил прямо напротив меня… Соболевский!

И сердце рухнуло куда-то в пятки, а от страха моментально разболелась голова.

– Ты?

– Я, Алён. Это я…

А я даже слушать его не стала, совершенно не замечая, что он, кажется, впервые в жизни назвал меня по имени. Развернулась и пулей полетела в сторону дома с выпученными от ужаса глазами, поскальзываясь на обледенелой дорожке и судорожно доставая из кармана сотовый телефон. А когда справилась, тут же начала строчить смс-сообщение своему Тайному Поклоннику:

«Отбой! Тут Соболевский, собака сутулая! Давай перенесем встречу куда угодно, ибо я даю миллион процентов, что он всё нам обосрет. У него к этому делу врожденный талант».

И спустя мгновение получаю ответ:

«Не получится ничего у нас сегодня. У меня форс-мажор. Прости».

Глава 16 – Точка?

POV Алёна

Вы, может, удивитесь, но с моим Тайным Поклонником мы так больше и не смогли договориться о встрече. Он постоянно искал какие-то отговорки, отнекивался или просто уходил от разговора, и мы на этой почве все чаще начинали ссориться. Нет, не так, чтобы прямо в пух и прах, но я совершенно не могла понять, почему не могу узнать хотя бы его имя.

Я: «Если не скажешь, то я буду называть тебя Персостратом. И без обид тогда!»

ТП: «Как? Боже, такого имени не существует».

Я: «А вот и нет. Персострат – это сокращенно от «первый советский стратостат».

ТП: «Ужас какой. Чур, наших детей буду называть я, а не ты».

Я: «Детей?»

ТП: «Ну, когда-нибудь я наберусь смелости, и мы с тобой встретимся. Потом ты в меня, конечно же, влюбишься. Ну а дальше мы поженимся и заведем парочку спиногрызов. М-м, как тебе план?»

Я: «Вообще фигня, если в нашей семье не будет ни одного Персострата. Может, тогда щенка?»

ТП: «Хорошо. Только, чур, ты с ним будешь ходить на прогулку».

Я: «Персострат! Ко мне! Рядом!»

И переписка заканчивалась миллионами смайликов и смеющихся гифок, а имя Тайного Поклонника так и оставалось за семью печатями, ибо его обладатель умел мастерски переводить тему. Зато я знала его любимый цвет, музыку, книгу, фильм, любимое блюдо и напиток, чем он хочет заниматься после окончания учебы и даже нечто личное.

Как-то я пожаловалась Тайному Поклоннику на страшное недопонимание между мной и моей мамой, а он меня утешил тем, что у него вообще матери нет и никогда не было. Только отец, который вечно пропадает на работе, и ему нет дела до сына-подростка от слова «совсем». Не отсвечивает? И то хлеб!

И после этой новости я уже по-новому посмотрела на своих родителей. На больного, почти уже не ходячего отца. На усталую, побитую тяжелой жизнью маму. На ее какой-то обреченный взгляд в окно и мозолистые руки. Она все так же мыла подъезды, а я все так же ей помогала, но теперь не злилась на нее за то, что она отнимает у меня детство. Просто такая жизнь. У кого-то и моего нет, так что грех жаловаться. И не надо забывать, что и богатые тоже плачут.

Но все это стало лирикой на фоне приближающегося выпускного. Как-то уже в середине апреля мы с Аней, Настей и Соней выбрались в торговый центр, что располагался в нашем микрорайоне. Девчонки искали себе вечерние платья для предстоящего торжества и обсуждали грядущее этим летом поступление. Я же только в ужасе глядела на ценники и в шоке поджимала губы. Выкинуть двухзначную сумму на тряпку, которую я бы надела всего раз в жизни, я считала просто верхом глупости и мотовства.

Поэтому уже на следующий день я отправилась в торговые ряды одна, чтобы подыскать себе что-то бюджетное. То, что себе могла бы позволить наша семья. Но тщетно. Или ценник взлетал до небес, или то была совсем пошлая безвкусица из неприятных, склизких, синтетических материалов. Именно рядом с таким ужасно безвкусным платьем меня и обнаружили мои одноклассницы: Ника Ткачева и Дина Кабаева. Оглядели презрительно с ног до головы и, словно гиены, рассмеялись.

– Что, Княжина, наряд на выпускной присматриваешь?

– Попробуй пошариться по помойкам, там может отыскаться что-то более приличное, чем то, что ты держишь в руках.

– Или можешь устроиться в наш дом уборщицей, как раз висит объявление, что ищут техничку. Тебе же не привыкать, – брезгливо сморщила нос Ника.

Откуда они знают? Соболевский рассказал, скотина? Ну а кто еще мог? И сердце тут же услужливо заныло от обиды и стыда.

– Ага, – подзуживала Дина, – тогда до выпускного наскребешь себе хотя бы на приличные трусы.

– Ой, пошли отсюда, подруга, смотреть на эту бедноту противно.

И ушли в закат, а у меня опустились руки. Пришла домой поникшая и разбитая, не зная даже, как подойти к маме и начать разговор про совершенно ненужную мне покупку. Но с другой стороны! Я же девочка, и мне так хотелось хоть раз почувствовать себя не замарашкой, которую шпыняют всем кому не лень, а принцессой. Чтобы все посмотрели на меня и увидели, что я больше не жалкий аут, с которым до сих пор никто не хочет сидеть за одной партой, а Алена Княжина – такая же, как и все.

Но я промолчала и матери ничего не сказала. А потому и по школе ходила как в воду опущенная. Тайный Поклонник это заметил и даже попытался выудить из меня всю информацию. Но мне отчего-то стало стыдно признаваться в своих горестях. И в том, что мы живем так бедно, что даже церковные крысы нам бы посочувствовали. А потом просто отмахнулась.

«Расскажу, если назовешь мне свое имя».

Знала, что это был беспроигрышный вариант, и оказалась права. На этом интерес к моим горестям у анонима иссяк.

И только Соболевский, кажется, впадал в настоящий экстаз от созерцания моей потухшей физиономии. Один раз даже перегородил мне выход из кабинета, заслонив его своей высокой фигурой, и пристально смотрел на меня, пока я пыталась протиснуться мимо него без существенных повреждений.

– Знаешь, Княжина, у меня от твоего кислого лица несварение, – протянул он спустя минуты три моих бесплодных попыток покинуть опустевший кабинет.

– Мне плевать на тебя и уж тем более плевать на твое несварение, – я ответила максимально равнодушно, но он только рассмеялся и наклонился ближе, пока я не отшатнулась.

– Что на этот раз, м-м? Сперли сменку или написали на твоей драной куртке матерное слово? – Он склонил голову набок и вопросительно приподнял брови.

Как же я его ненавижу! Просто на дух не переношу! Но я приказала себе успокоиться и лишь выше задрала свой нос, смотря прямо в темноту его глаз.

– Молчишь? В твоей крошечной блондинистой голове перестали рождаться мысли? Бедные… но как я их понимаю. – И снова беззаботно хохотнул.

– Ты чего ко мне пристал? Какая тебе вообще до меня разница, Соболевский? Если я тебе так противна, то почему ты еще учишься здесь? Свали отсюда, и жизнь наладится – вместе с твоим чертовым несварением, – выплюнула я ему в лицо и нервно поправила рюкзак на плече.

– Все-таки перестали, – хмыкнул он, и я непонимающе зависла.

– Что? – вытянула я вперед шею.

– Ничего, Княжина. Я думал, ты в курсе, что я остался здесь только затем, чтобы пить твою кровь. Все веселее, чем просто учиться. – И он растянулся в дверном проеме на вытянутых руках, нависая надо мной, как дьявол во плоти. Вот так просто он заявил мне, что всего лишь потешался за мой счет все эти годы. Чудовище!

– Ну и как, напился? – сложила я руки под грудью, стараясь максимально правдоподобно изобразить равнодушие.

– Да. Раньше это было весело, но сейчас ничего, кроме скуки, не вызывает. И этот твой вид побитого жизнью щенка… ну такое.

– Да что ты говоришь? – с сарказмом протянула я.

– Представь себе. Так что мне проще узнать, кто тот нарушитель моего спокойствия, что заставляет меня любоваться твоим затравленным видом, чем продолжать это делать дальше.

– У-у-у… и что же ты сделаешь с ним, когда узнаешь его имя? Пнешь его по яйцам за совершенный проступок? – вытянула я губы трубочкой.

– Как минимум, – почему-то хрипло ответил Соболевский.

– Тогда начни с себя. – И резко оттолкнула его, увидев дежурных ребят, пришедших в кабинет мыть пол после уроков.

Больше мы с моим заклятым врагом не сцеплялись до самого выпускного. Нет, конечно, смотрели друг на друга. Он – как обычно, с ненавистью. Я – как обычно, с презрением. Но больше ни слова, что невероятно меня радовало. Я даже об этом как-то упомянула своему Тайному Поклоннику, пребывая в невероятно приподнятом настроении после физкультуры, на которой ни разу не смогла подтянуться, но никто мне даже слова дурного не сказал. И в особенности Он!

Я: «Кажется, я отмучилась! Соболевский больше меня не цепляет и не отравляет мою жизнь. Не могу поверить в свое счастье».

ТП: «Судя по его поведению, пацан просто отчаялся».

Я: «Что? Ты о чем?»

ТП: «Мальчики достают девочек только по одной причине – когда они им нравятся. В остальном они их совсем не замечают. Судя по тому, что я видел между вами, то были предварительные ласки. Парень явно к тебе неровно дышит».

Я: «Конечно, неровно! Он ненавидит меня!»

ТП: «А есть за что?».

Я: «Он просто придурок. Ему не нужны причины».

ТП: «Ну вот о чем я и говорю. Твой Соболевский влюблен в тебя. Как и я».

Я: «Так, Персострат, ты бредишь!»

И на этом мы закончили разговор, а потом я еще долго лежала, прижав телефон к груди, и думала: а что, если бы Соболевский действительно был в меня влюблен? Нет, конечно, Тайный Поклонник ошибается. Ну а что, если?.. И тут же волна липкого ужаса прокатилась по позвоночнику. Только любви больного на голову одноклассника мне не хватало для полного счастья. И я бы точно никогда-никогда не смогла бы ответить ему взаимностью.

О! И это было бы здорово! Просто великолепно! Голубая мечта! Потому что этот кусок дерьма весь остаток своей жизни мучился бы от неразделенной любви. Месть восьмидесятого уровня, не иначе!!!

Но все эти глупые мысли я выкинула из своей головы и больше к ним не возвращалась. Да и зачем? На носу был последний звонок, а за ним и выпускные экзамены, которые, кстати, я сдала на отлично. Жаль только, до золотой медали не дотянула, по физкультуре и гуманитарным наукам я была, увы, не сильна.

А потом настал день икс – выпускной бал, на который, как вы понимаете, я пошла лишь наполовину. Точнее, я пришла на торжественную часть программы. Получила диплом, а потом пулей полетела домой, так как стерпеть шепотки за моей спиной по поводу моего наряда было выше моих сил.

Я пришла в старом, не единожды ношенном черном платье с длинным рукавом, на которое сама связала крючком красивые отложные воротнички и манжеты. Получилось довольно неплохо, но только куда мне было гнаться за местными модницами и красавицами.

И дома под гнетом своих тухлых мыслей я забилась на своем маленьком балконе, а потом не сдержалась и почему-то расплакалась. Как раз в тот момент, когда мне написал Тайный Поклонник:

«А ты где?»

И я тут же ответила честно, как есть.

Я: «Дома».

ТП: «Почему?»

Я «Потому что у меня нет красивого бального платья и все девчонки смеются надо мной».

ТП: «Глупая! Ты была самая красивая сегодня! Всегда! Я чуть не ослеп».

Я: «Не надо меня жалеть».

ТП: «Можно я к тебе приду сейчас?»

И после этого сообщения сердце мое дрогнуло, а потом забилось с бешеной скоростью. Придет? И больше никакой Соболевский не встанет между нами. О! Господи!!! Да! Миллион раз да!

Я: «Можно».

И я заметалась по комнате как шальная, а потом приказала себе успокоиться, умылась, просто уселась на порог балкона и принялась ждать, уныло погружаясь в какие-то свои мысли. Пока не вынырнула из них, услышав громкий голос матери, которая остервенело ругалась на кого-то в глубине дома. Неспешно встала и вышла из комнаты, а потом вопросительно посмотрела на родительницу.

– Что такое, мам?

– Ничего, Алёнка, ходят тут хулиганы всякие.

– А-а, ну ладно. – И снова вернулась в свою комнату, вышла на балкон и опять принялась ждать. Его.

А в следующий момент глазам своим не поверила. Из-за угла дома вырулил Соболевский, а я даже дышать перестала, не понимая, что он тут делает и зачем. Неужели обратно переехал, окаянный гад?

Но он только встал напротив моего балкона, задрав голову, и молча впился в меня взглядом.

Ненавижу!

Прощальный, неприличный во всех смыслах жест пальцами, и я убежала в дом, а потом и дверь плотно за собой прикрыла, радуясь, что никогда больше в своей жизни не увижу этого придурка.

Вот только вместе с Соболевским и Тайный Поклонник ушел из моей жизни. Он так и не появился. И больше никогда не отвечал на мои сообщения…

Глава 17 – Кажется, да…

POV Алёна

Поступать в Москву я ездила втихушку от родителей. Будто бы к бабуле в гости, а сама в столицу. Деньги на билет тоже она мне дала и плакала, когда сажала меня на поезд, все причитая, чтобы все у меня получилось. Мама же категорически не желала меня отпускать от своей юбки, а потом и вообще песню завела, чтобы я на вечернее поступала или вообще на заочное отделение, потому как семье помощь финансовая нужна гораздо больше, чем мне образование.

Я тогда ушам своим не поверила, когда услышала от нее подобное. А она все твердила как заведенная:

– Я с Наташкой Пантелеевой уже договорилась, считай. Она тебе место кассира в нашем супермаркете согласует. И зарплата там отличная, и просрочку домой какую-никакую таскать будешь. Деньги нам нужны, Алёнка! Деньги! Ты слышишь меня?

– Слышу, мам, – кивала я, а сама смотрела в окно, упорно видя для себя совсем другую судьбу.

И я прекрасно понимала, что если сейчас пойду у матери на поводу, то потону в той же трясине, в которой захлебнулась и она. Сникла я, конечно, а потом решила выложить все свои горести той единственной, кто еще понимал меня в этом мире. И бабушка помогла, а потом и пообещала, что обязательно будет меня поддерживать и дальше.

– Ты только сдюжь, внученька, поступи и учись, а там уж мы справимся. А дочку мою непутевую не слушай, она совсем там помешалась со своим Андрюшей болезным. Какой тебе работать? Эх…

И я сдюжила. Уже девятого августа я увидела себя в приказе на зачисление в вуз моей мечты. А потом мне и комнату в общежитии дали, чему я радовалась, как ребенок конфете от Деда Мороза. Оставалось только семье объявить о своем решении уехать.

Но страшно было – словами не передать. Все ходила и руки заламывала, губы нервно кусала, не зная, как подступиться к родителям с разговорами. А потом наступило тринадцатое августа, и мать оставила меня присмотреть за отцом, пока сама сходит на почту что-то получить, отправить. Папа уже стал совсем плох, почти все время лежал, изредка садился, только чтобы поесть, и очень похудел за последний год. Растянутая желто-серая кожа теперь свисала ошметками вдоль его тела. На голове почти не осталось волос, и он вообще мало походил на когда-то полного сил и энергии человека.

– Лёль, – услышала я его тихий голос и тут же зашла к нему в спальню.

– Да, пап?

– Погладишь меня по голове? – на выдохе попросил отец.

– Конечно. – Села рядом и повела ладонью по практически лысому черепу.

– Лёль, а ты в какой класс пошла? – спросил он, осоловело хлопая водянистыми глазами, и у меня тут же задрожал подбородок.

– Я в институт уже поступила, пап, – хрипло выдавила из себя.

– Институт? О, какая ты у меня уже взрослая. И красивая, вся в маму, – торопливо бормотал отец, прикрыв глаза. – А сейчас ступай. Я все узнал, и теперь мне можно отдохнуть.

Спустя пару часов вернулась мама, а потом я услышала ее истошный вопль. Она кричала как безумная и, когда я кинулась к ней, все трясла отца, била его по щекам, гневно требуя того проснуться. Вот только этого не случилось. Папа умер, а через два дня его похоронили. И только после я узнала, что все эти годы родной человек безуспешно пытался победить рак, да только не смог. Не получилось.

Мать же – очевидно, на фоне сильнейшего стресса – впала в какое-то безумие. Просто сидела и смотрела в никуда, все бормоча про себя: «И что же теперь делать?» – и так раз за разом. Бабуля, видя ее невменяемость, забрала дочь к себе в деревню. А квартиру решили по моему отъезде закрыть, а потом и вовсе сдать в аренду.

Вот и получилось, что с родителями про Москву я так и не поговорила. Отца не стало, а матери было не до меня. В итоге вещи на новое место мы собирали вместе с бабулей. И я так была ей благодарна! Не знаю, что бы я без нее делала. В душе царил настоящий раздрай, если не сказать больше.

Ведь я снова была одна. И Тайный Поклонник не отвечал, хоть я и писала ему почти каждую неделю. Да, я знала, что это было глупо, ведь я видела, что мои сообщения так и оставались непрочитанными. Но я не могла ничего с собой поделать. Я скучала. Очень! Ведь он был рядом почти два года, и я не могла смириться с тем, что он вдруг исчез из моей жизни. Как так? Все равно что конечность ампутировать.

Сначала я слезно просила его откликнуться. Затем стала спрашивать, что сделала не так, что он перестал мне отвечать. А потом ругала его, обвиняя в том, что он трус, раз так и не показался мне. Все осталось без ответа. Как будто Тайного Поклонника у меня никогда и не было вовсе.

И мне было чертовски сложно это принять!

Но время не стояло на месте. И вот уже я заселяюсь в комнату студенческого общежития, а потом и знакомлюсь со своими соседками. Первая девушка, Лида Нечаева, приехала в Москву из Минеральных вод, загорелая, веселая и жизнерадостная хохотушка. После того как выяснилось, что мы будем учиться с ней в одной группе, ее уже было не остановить. Она все без конца что-то трещала и рассказывала, а я только улыбалась ей и боялась сказать лишнее. По привычке. А вдруг завтра кто-то пустит глупую сплетню про меня на весь институт и Лида посмотрит на меня с отвращением, тогда как я уже нафантазирую себе дружбу «не разлей вода».

Второй соседкой оказалась студентка последнего курса Маша Трофимова, которой совершенно не было до нас дела, так как она почти двадцать четыре на семь была в комнате у своего парня, что жил этажом ниже.

И третьей оказалась милая казашка Индира Ашимова, что так же, как и мы, была первокурсницей, только училась она на другом потоке. Девушка была полненькая, как колобок, а когда улыбалась, на ее щеках появлялись две очаровательные ямочки. Просто прелесть!

И все в этом новом мире казалось мне чудесным и очаровательным. И ничего, что кухня и уборная общие. И плевать, что постирочная в соседнем корпусе. И даже на узкую койку мне было все равно. И уж тем более фиолетово, что стены тонкие и почти каждую ночь вокруг нас слышались разные удивительные звуки. От некоторых хотелось смеяться, от некоторых плакать, а от некоторых приходилось краснеть как рак и прятаться под подушку.

Спустя пару дней позвонила бабуля, все выспрашивала, не обижает ли меня кто да все ли у меня в порядке, я же только улыбалась во все свои тридцать два зуба и с облегчением выдыхала:

– Не, ба, теперь меня никто обижать не станет. Началась новая, совершенно другая жизнь. – И про себя договаривала: «Без Соболевского».

И бабуля откровенно радовалась за меня, а потом вздыхала печально.

– Ну что там? – с болью в сердце спрашивала я.

– Ой, тяжело, родненькая! Мать твоя все в церковь бегает, Богу молится день и ночь да прощенья просит, что Андрея своего не выходила, вместо того чтобы работать пойти и жизнь новую начать. Ведь не старая же совсем, а что творит… О-о-ой!

– Баб, дай ей время, – не находила я, что еще ответить.

– Ремня я ей дам, как в детстве. Чтобы знала, как дурью страдать.

Вот чтоогорчало меня в моем новом мире, да еще то, что Тайный Поклонник мне так никогда больше и не написал. Но наши переписки я до сих пор преданно хранила, а вечером, лежа на своей узкой койке, перечитывала и улыбалась.

Не знаю почему. Наверное, потому что дура.

– Аленка? – услышала я голос Лиды с верхней полки.

– Ась? – ответила шепотом я, косясь на спящую Индиру.

– Ты там с кем все ночью переписываешься? Парень у тебя есть, да? – И половина ее туловища свесилась надо мной.

– Нет! Что ты… Никакого парня у меня нет, – отрицательно помотала я головой и тут же отложила телефон в сторону.

– Вот и у меня нет, а так хочется, – мечтательно протянула она, – такого, чтобы искры из глаз летели. Понимаешь?

– Мне кажется, что искры не главное, – задумчиво произнесла я.

– А что главное?

– Главное, когда вы с человеком на одной волне и смотрите в одном направлении, – пожала я плечами.

– М-м-м…

– Да…

– А ты когда-нибудь любила, Алёнка? – спустя минуту молчания спросила меня Лида, и тут же перед глазами всплыла наша переписка с Тайным Поклонником.

«Ах ты… козерог!»

«А ты моя дева».

И тут же подбородок задрожал, а потом и слова будто бы сами вырвались из меня, помимо моей воли:

– Кажется, да…

Глава 18 – Новенький

POV Алёна

– Ты мне так и не рассказала про «того самого», – казалось, в тысячный раз за прошедший месяц спросила у меня моя соседка по комнате Лида.

Теперь я могла назвать ее лучшей подругой, потому как, помимо общения с Нечаевой, у меня появилось столько друзей и знакомых, что телефонная книга в моем телефоне разбухла донельзя. Но Лида – да, она была лучшей, а еще невероятно мне нравилась как человек и как личность. Мы были почти одного с ней роста, обе чуть больше метра шестидесяти, но в остальном полные противоположности. Лида была как экзотический цветок – смуглая, жгучая кареглазая брюнетка с ярко выраженными округлыми формами. А еще с отличным чувством юмора, но при всем этом была простой как три рубля. И обожала автомобили. Просто бредила ими. А потому усердно принялась копить деньги на автошколу. Кстати, подработку мы тоже нашли совместную и теперь бок о бок трудились в бистро неподалеку от общежития.

– Тот самый? Ну, если я тебе про него расскажу, то ты будешь смеяться, – покраснела я и отвела глаза.

– Не буду. Зуб даю! – стукнула себя в грудь кулаком Лида.

– Зуб не надо. Стоматология нынче знаешь какая дорогая? – прищурилась я.

– Ты мне зубы не заговаривай, Княжина! Рассказывай давай! – И плюхнулась рядом с мной на койку.

– Я никогда его не видела, – пробубнила я обреченно.

– Что-о-о-о? Ка-а-а-ак? – буквально заорала Нечаева.

– Так. Это был друг по переписке. Тайный поклонник. Он учился в моей школе, но боялся ко мне подойти, – нашла я удобоваримое объяснение.

– Тут его можно понять, ты у нас красотка.

– Я? – обалдело подняла я на нее глаза.

– Ну не я же. Хотя… я тоже ничего. – И мы обе рассмеялись как дурочки. – Ладно. А дальше что?

– Да ничего. Мы два года общались, а потом он просто пропал, – пожала плечами, чувствуя вновь обиду на того, кто обещал прийти и поддержать, но в итоге совсем пропал. Видимо, в тот вечер нашлись дела поважнее, чем какая-то там я.

Или?

Так, стоп! Может, это его Соболевский отвадил точно так же, как и Антона? Ведь он тогда появился под моим балконом. Видимо, позлорадствовать пришел. А я, балда, об этом совсем и не подумала! А теперь весь пазл сложился!

– Ах ты ж гад ползучий! – вскочила я на ноги.

– Кто? – недоуменно спросила Лидка.

– Мерзкий таракан! Тараканище! – потрясла я руками в воздухе.

– Боже, Княжина, что с тобой? – прижала ладошки к щекам подруга.

– Этот отвратительный слизняк украл у меня Тайного Поклонника! – И кулаки мои скрипнули, так сильно я их сжала.

– Кто бы он ни был, но у него сейчас явно горят уши, – процедила Лида.

– Соболевский! Шакал! Подлый интриган! Ненавижу!

– Алёнка, так, стоп! Успокойся и начни все по порядку. Кто такой этот твой Соболевский и с чем этого так называемого таракана едят? – подскочила и обняла меня Нечаева, а я взорвалась сбивчивыми объяснениями, рассказывая ей обо всем, что пережила по милости проклятого бывшего одноклассника.

Все поведала, все до мельчайшей подробности. И знаете, что я получила в ответ? Вот это:

– Так, может, этот самый Соболевский просто был влюблен в тебя и всего лишь пытался таким извращенным способом обратить на себя твое внимание?

– И ты туда же? – возмутилась я.

– Ну а что? – хмыкнула Нечаева.

– Сначала Персострат бредил, теперь и ты туда же.

– Кто?

– Забудь, – отмахнулась я.

На этом и закончился разговор, а я все не могла поверить, как раньше не догадалась, что к чему. Ведь могла выбежать тогда на улицу, а там уж встретила бы своего Тайного Поклонника и наконец-то познакомилась бы с ним по-человечески. А Соболевский бы выкусил! Ох, гад! Ох, паршивец!

Встретила бы его сейчас – так бы и плюнула в его наглую рожу!

Но что было поминать былое? Приходилось жить дальше вопреки всему. И что это была за жизнь! Учеба давалась мне достаточно легко, в группе образовался довольно-таки дружный коллектив, а еще я стала получать первые знаки внимания от однокашников.

И так это было мне непривычно!

То Тимофей Грачев с параллели в кино позовет. То Паша Калязин, что учился на курс старше, в ресторан пригласит. То Костя Безруков из нашей группы два билета в театр на мой стол положит.

Но знаете, я поднимала глаза на парней, смотрела на них и понимала, что никуда я с ними идти не хочу. Не ёкает. Вот никак, и все тут! Учиться мне надо, а не дурью этой страдать.

А потом лежала на своей узкой койке и слушала недовольный бубнёж Лидки, после того как в очередной раз отказала первому красавцу нашего потока – Лёше Гаврикову.

– Вот ты скажи мне, Княжина, ты дура?

– Дура, – с глубоким выдохом соглашалась я.

– Гаврикову сказала «нет»! Да он же тебя больше никогда никуда не позовет! Ты понимаешь?

– Ну и флаг ему в руки, – прыснула я в кулак, а потом уныло протянула: – Не нравится мне пока никто, Лидка, ну что мне себя – насиловать, что ли?

А еще спустя неделю меня на выставку позвал Егор Маков – любимчик девчонок, баскетболист и член институтской команды КВН. Я тут же хотела отказаться, но увидела, как за спиной одногруппника Нечаева отчаянно грозит мне кулаком, и… со скрипом, но согласилась. А потом? Да что потом? Егор был милый, выставка была тоже ничего, но в остальном – по нулям. Ничего общего. То ли дело Персострат, с ним на любые темы поговорить можно было, а этот… ни бэ, ни мэ, ни кукареку. Не мое. И точка!

А потом, спустя два месяца спокойной учебы, разговоры о свиданиях ушли на задний план, потому как на нашем потоке вспыхнула жаркая новость. Спичкой чиркнула староста группы – Вера Венедиктора. Оказывается, скоро к нам должны были перевести новенького. И не абы кого, а крутого мажора аж из самого МГУ.

– Говорят, он сын какого-то там депутата из северной столицы, – захлебывалась от восторга Вера.

– А зовут хоть этого новенького как? – перебила старосту Лидка.

– Ой, да какая разница, как зовут! Главное, что уже со следующей недели он будет учиться здесь и, скорее всего, в нашей группе.

– Ну такое, – пожала я плечами и потянула подругу подальше от этих сомнительных по важности новостей.

И до понедельника я совершенно не вспоминала про пополнение в наших стройных рядах, а потому и на первой паре в понедельник совершенно не придала значения гулу, что

вдруг стал нарастать на задних партах лекционного зала. А потом вдруг почувствовала запах, знакомый до боли и ненавистный одновременно.

Так пах Он – мой самый страшный кошмар по плоти.

Цитрус, бергамот, дуб, амбра и можжевельник. И все это под невозможным одеялом из ванили, спелых яблок и смородины. Господи, кто придумал это невозможное сочетание?

Сглотнула неосознанно и подняла глаза, а потом уставилась в спину парня, что прошел мимо и продолжил подниматься по ступеням аудитории все выше и выше. Высокий, статный, в черных джинсах и модном сером кэжуал пиджаке, на ногах кожаные броги, а на запястьях стильные скелетоны и фенечки. Ну да, все так, как и говорили, – мажор. И его походка… ох!

Нахмурилась, и сердце тут же раненой пташкой заметалось в груди от неожиданного узнавания, а потом со всего маху врезалось в ребра и вырубилось от шока.

Он сел за свободную парту. А потом поднял глаза.

И глаза эти смотрели прямо на меня. В упор! И я чувствовала, как пол уходит из-под моих ног.

Нет. Нет. Нет. Нет!!!

Только не это, пожалуйста! Только не он!

Глава 19 – Ну, привет…

POV Алёна

Отвернулась и безумными невидящими глазами уставилась в доску прямо перед собой, на которой преподаватель уже выводил какие-то загогулины, значения которых мой застопорившийся мозг никак не мог разобрать. У меня галлюцинации? Или я сплю вообще, а? Или…

Но поворачиваться и проверять свои сомнения у меня не хватило духу. Да и затылок нещадно щипало от чужого, ненавистного во всех смыслах взгляда. У-у-у, гад ползучий!

– Алёнка, ты чего? Дай, дай сюда ручку, ты ее сейчас сломаешь, – шипит мне на ухо Лидка, пока я в каком-то остервенелом порыве пытаюсь переломить предмет в своих руках, представляя вместо него шею моего злейшего врага.

– Сволочь! – мстительно выплюнула я.

– Я? Княжина, ты не офигела ли, часом? – возмутилась подруга.

– Да не ты, а этот экспонат. – И мимикой показала себе за спину.

– Ага, новенький. Хорошенький такой, прямо мачо-мэн. Люблю высоких и спортивных парней… так, стоп! Сволочь? Как? Почему? Зачем?

– Потому что гладиолус, Лида! – зашипела я.

– Оу… погоди, ты его знаешь, что ли? – почти вплотную подалась ко мне Нечаева.

– Это Соболевский!

– Кто? – прищурилась одним глазом подруга.

– Тараканище! – многозначительно выпучила я на нее глаза.

И Лидка тут же оглянулась на новенького, рассматривая его долго и пристально. Супила брови, губы жевала, хмыкала, а потом вдруг выдала такое, за что мне захотелось огреть ее чем-нибудь тяжелым по голове:

– Что-то не сильно он на таракана похож, Алёнка. Да и девчонки вон на него во все глаза глядят, на передних партах так вообще скоро шеи посворачивают. Волосы вон поправляют, губы подкрашивают. Нет, однозначно не похож. Что-то тут не чисто. Что-то ты недоговариваешь …

– Ага, не чисто. Прямо грязно, Лидка. Этот парень – чокнутый психопат. Ему доставляет удовольствие травить девочек и наслаждаться их страданиями.

– Девочку.

– Что?

– Говорю, что травил он, по твоим же словам, только одну девочку – тебя, – пожала плечами Нечаева.

– И что, это как-то меняет дело? – зарычала я, косясь на преподавателя, которому, казалось, совершенно не было дела до гула в лекционнике.

– Ну-у-у, я даже не знаю, – протянула Лида, – для окончательных выводов необходимо понять, зачем и почему это он сюда перевелся из своего расчудесного МГУ.

– П-ф-ф… какая теперь уже разница? – поджала негодующе губы я.

– Ну, тебе, может, и никакой.

– Лида, напоминаю тебе, если твоя память как у рыбки гуппи: это тот самый парень, который раструбил на всю мою школу, что у меня букет ЗППП на фоне беременности в пятнадцать лет, патологический рефлюкс, педикулез и стригущий лишай в одном флаконе. М-м, как тебе, достаточно? Или еще накинуть?

– Я помню, помню…

– Тогда не надо мне, пожалуйста, говорить, что он другой – симпатичный и сладкий няшка. Я знаю, что за этой сомнительной внешностью скрывается на самом деле. Тараканище!

И после этих слов подруга, казалось, замолчит насовсем, но нет.

– И что, с самого детского сада не было ни одной положительной выходки с его стороны. Ни одной? Даже самой малюсенькой? – просительно уставилась на меня Нечаева.

– Насильно запихиваемое в мою глотку мороженое подойдет?

– М-м-м… нет!

– Вот и я думаю, что нет, – подвела я черту и углубилась в поедание гранита знаний, стараясь не думать о том, кто сидит позади меня.

Может, если я воображу себе, что его здесь нет, то и дышаться мне будет легче? Сомнительно, но попробовать стоит. И так, собственно, оно и случилось. Сразу после окончания одной лекции мы отправились на другую, где я стоически не смотрела в сторону Соболевского, которого со всех сторон облепили студенты.

Охи-вздохи девчонок, громкий смех парней – и страх в сердце стать снова аутом стал нарастать помимо моей воли, но теперь я гнала его, словно мерзкое насекомое, и травила дихлофосом. У меня теперь была Лида, а она, я была уверена в этом на сто процентов, не отвернется от меня в случае всеобщей травли или игнора. Подумаешь, студенты. Что мне с ними, детей крестить, что ли…

На том и успокоилась.

На большой перемене к нам с Лидой за столик присели две девчонки из группы, с которыми мы более или менее уже успели подружиться. А еще тот самый кавээнщик Егор Маков, с которым я совсем недавно ходила на выставку современного искусства. Да не один подсел, а с половиной своей баскетбольной команды. Целая толпа, считайте. В школе я о такой компании и мечтать не могла, а сейчас сидела, выслушивала комплименты от Егора и кивала на каждое его слово.

Пока не увидела Его.

Он сидел прямо в центре огромной столовой в максимально расслабленной позе. Одна рука на спинке пустующего стула, другая рандомно мнет салфетку на столе. Еда не тронута. А вокруг него уже расселись первые красавицы потока, богатые мальчики – короче, весь цвет институтского сообщества.

– Тоже новенький заинтересовал? – прилетело мне в правое ухо от Егора, и я тут же посмотрела на него как на болвана. – Ну просто ты так уставилась на него.

И я тут же и в него вперила точно такой же взгляд, коим только что окинула Соболевского.

– Вот так? – почти рявкнула я.

– Ну…

Но я перебила его, шумно потянув сок из трубочки.

– Понял. А-а… может, тогда сходим в кино сегодня после пар?

– Сегодня не могу.

– Завтра?

– Тоже. Работать буду.

– Среда?

– Аналогично.

Взгляд черных глаз на меня, и мои внутренности совершают синхронное сальто с тремя переворотами. Смотрит, гад! Смотрит неотрывно и напряженно, будто бы раздумывает, какую еще гнусность сотворить со мной. Маньяк на выгуле!

– В субботу? – все никак не может угомониться Егор, и я отчего-то задираю подбородок, а потом с улыбкой поворачиваюсь к одногруппнику.

– В субботу можно.

– Фух, Алёнка, ну ты даешь! А я уж думал, что ты меня динамишь.

Вообще-то, так и было. Но не говорить же парню, что я согласилась на свидание только потому, что хочу утереть своему персональному мучителю нос? Ибо все, школа закончилась.

Теперь я больше не заморыш из бедной семьи. Я работаю и могу позволить себе хоть и недорогие, но стильные вещи, косметику и даже свидание. Потому что я больше не боюсь Никиты Соболевского. То время, когда это было, прошло.

После перекуса все вместе бредем до следующей аудитории, смеемся. Тимур Ильясов травит глупые, местами даже плоские анекдоты, но у парня такая харизма, что все мы ржем как кони, утирая слезы со щек.

– Тим, перестань! – воет Лидка.

– Кстати, – поднял вверх указательный палец юный юморист, – у нас же пополнение. Вот вам в тему: «Дети, сегодня у нас в классе новый ученик! Ну что же вы растерялись? Бейте его!!!»

– Боже! – захлебнулась я смехом, а двое ребят даже схватились за свои животы.

Как итог, в заставленное партами помещение мы ввалились, веселясь, словно дети малые. Еще немного обсудили заданный на прошлой неделе курсовик, погоду и немного поболтали о пустяках, пока уже перед самым звонком в аудиторию не ввалилась[A20] орава студентов вместе с Соболевским.

Я тут же опустила глаза в тетрадь и сделала вид, что увлеченно читаю конспект. А этот гад так близко прошел рядом, что почти задел мою парту своей брючиной. А-а-а, ненавижу!

А потом появился преподаватель, и мысли об удушении гадского гада ушли на второй план. И только после окончания пары вернулись с новой силой, потому что именно тогда наша староста Вера Венедиктова заголосила как резаная:

– Народ, все идем в «Ржавый дед» знакомиться с новеньким! Ник проставляется!

– У-у-у, – весело загудела группа, и только я, не обращая внимания на происходящее, планомерно запихивала тетради в свою сумку.

– Все с нами? – продолжала накручивать ребят староста.

– Да! – синхронно переходили на ультразвук одногруппники, и даже Лидка (моя лучшая подруга) начала согласно кивать и улыбаться.

Вот предательница! А ну и хрен с ней! Со всеми ими, что продались этому таракану за кружку пенного.

Зло закинула рюкзак на плечо и только хотела двинуться на выход, как сознание накрыл его запах. Боже! Он стоял за моей спиной и совершенно точно смотрел прямо на меня. Выдохнула быстро, а затем повернулась, встречаясь с абсолютной ночью его глаз.

– Привет, Алён.

Смотрит на меня и улыбается. Сволочь! Улыбка маньяка, ни дать ни взять. Самый настоящий безумный Джокер.

Тишина в аудитории нарастает, давит. Все ждут моей реакции, но ее нет.

И не будет.

Никогда!!! Я не собираюсь расточать любезности человеку, который украл у меня детство, подсунув взамен годы ничем не заслуженных нападок. Пусть скажет спасибо, что я ему в рожу не плюнула.

Развернулась и вышла за дверь. Молча.

Получая в спину фразу, полную предупреждения:

– Ну что ж, хорошо!

Надо ли вам рассказывать, что после совместного похода всей группы в бар «Ржавый дед» Никита Соболевский стал звездой нашей группы? Нет? А так и случилось. Более того, ребята растрындели новость о посиделках другим учащимся нашего потока, и питейное заведение набилось таким количеством молодежи, что пришлось дружной компании перемещаться в ночной клуб, где они весело гуляли почти до самого утра.

Все, кроме меня и Лидки, разумеется, которая еще смела дуть на меня губы и обижаться, что мы по моей милости и, видите ли, предвзятым убеждениям пропустили вечеринку года. Я

на эти голословные обвинения ничего не отвечала, молчала как партизан и с завидным упорством строчила в тетради типовое задание.

К черту!

На следующий день посещаемость всего потока первокурсников нашего направления оставляла желать лучшего. Половина студентов вообщене пришла на первую пару. На последней же лекции вообще все самозабвенно спали. Но не Соболевский. Тот выглядел как тепличный огурчик, разве что только не зеленый. Волосок к волоску, одет прилично, лицо не помято и чисто выбрито, и на меня больше не смотрит, что, несомненно, не могло не радовать.

И казалось, несмотря на все мои ожидания повторения школы, все устаканилось и утряслось. Все счастливы, учатся, все замечательно и расчудесно. Нам с Лидкой еще и комнату поменяли, представляете! Мы так удивились, что чуть шары из орбит не повылазили.

Комендант нашего институтского общежития Пелагея Ильинична, суровая, но справедливая женщина неопределённого возраста, просто пришла к нам в комнату однажды и приказала следовать за ней. Мы переглянулись с Лидой, но молча подчинились. А потом с удивлением уставились на просторную комнату на двоих в соседнем обновленном корпусе.

– Вот, девочки, тут жить будете теперь. Тут и душ идет на секцию, и постирочная на первом этаже, никуда бегать не надо. И самое главное, этот корпус чисто женский. Потише будет. Да и здесь я лично смотрю за порядком, а у меня не забалуешь.

– Так говорили, что здесь комнаты только за доплату? – приподняла брови Нечаева.

– И кто это вам такое говорил? – поставила руки в бока женщина.

– Ну…

– Вот тебе и ну – загну. Переезжайте, говорю. И побыстрее! Я на ваши места уже новых жильцов нашла.

Так мы и перебрались в настоящие пятизвездочные апартаменты, считай. На восемнадцать квадратных метров у нас теперь было по два новых и современных рабочих стола, в таком же количестве наблюдались и шкафы, стеллажи для книг, кровати и прикроватные тумбочки. И постельное белье на матрасах лежало не застиранное до безобразия, а почти нулевое на вид. Также в комнате стояли современный, хоть и маленький, холодильник, микроволновка, электрический чайник и стол с двумя стульями.

Опустили мы свои тюки на пол и в полной прострации от происходящего завалились на свои новые койки.

– Это чудеса какие-то, – пробормотала Лидка, садясь на кровать и обалдело оглядывая помещение.

– Может, что-то напутали? – приземлилась я напротив нее.

– Я точно знаю, что комнаты в этом корпусе были за дополнительную плату, и немаленькую. Я своих родителей просила меня сюда поселить, но они наотрез отказались, мол, дорого. А теперь что получается? – поскребла ноготком подушку Нечаева.

– Я не понимаю, – пожала я плечами.

– Две душевые на этаже, своя кухня и туалет на блок, постирочная под боком… я в шоке, Аленка!

– А еще соседка тут мне сейчас сказала, что у этого корпуса с институтом подземный переход. Прикинь? Можно на пары просто так, без верхней одежды ходить! Чума, Лидка!

– У этой чумы должно быть имя, – пробормотала неразборчиво подруга.

– Что?

– Да так, ничего! Ладно, пошли с соседками знакомиться!

Так и потянулось время. В субботу я, как и обещала Егору, пошла с ним в кино, но только не одна, а с Лидкой, упросив одногруппника взять с собой еще кого-то из друзей. Так и получилось, что вечер выдался для меня более или менее сносным, а не рутинным, как ожидалось.

Только вот Маков неверно распознал мои порывы, а потому вновь пригласил меня куда-то, но я даже не запомнила куда.

Нашла какую-то отговорку, принялась кормить завтраками, а потом Егор и сам как-то отвалился, за что я ему была премного благодарна. Хоть и чувствовала себя не очень от такого откровенного динамо. Наверное, именно поэтому и подошла к Макову, а затем и завела разговор про встречу, чтобы вообще все отменить и объяснить, что нам не стоит продолжать встречаться. Пустое это все.

– Алён, слушай, тут такое дело… м-м-м… в общем, извини, но свидания не будет, – выдал парень настолько неожиданное для меня, что я и отреагировала соответствующе:

– Правда? Фух, слава богу! – А потом обалдело прихлопнула рот и уставилась на него во все глаза.

Маков же только кивнул мне и пошагал дальше по коридору, где я его и встретила.

А вот дальше начала твориться какая-то неведомая мне херня. Иначе и не назовешь. Буквально через неделю после нашего переезда мы узнали, что в нашем старом корпусе будет вечеринка. Братьям-близнецам из параллельной группы исполнялось восемнадцать, и студенты планировали загудеть на общей кухне.

Вот и Лидка стала ныть:

– Пошли сходим туда, Алёнка. Пожалуйста! Совсем немного посидим, песни под гитару поорём. Ну что же ты кочевряжишься?

И я сдалась. Даже платье на себя, дура набитая, натянула. Реснички подкрасила.

И поперлись. А там уже шум, гам, смех и множество нетрезвых студентов на огромной кухне. Мальчишек раза в три больше, чем девочек. Странно, конечно, но все же. Вот только стоило нам зайти и оглядеться, как музыка неожиданно притихла, а виновники торжества – Федор и Пётр Лазаревы – вдруг посмотрели на меня как-то обреченно и уже неразборчивым голосом выдали нараспев и перебивая друг друга:

– Прости, Алёнка, но тебе пора домой.

– Это еще почему? – улыбнулась я и кивнула нескольким ребятам, с которыми больше всего сдружились.

– Потому что…

Этот голос меня буквально пригвоздил к месту, а спину прострелила молния паники. Как долго он там стоял? Как много успел увидеть? Или это все по его наводке? Ну конечно…

Оглянулась. Приподняла вопросительно бровь и уставилась в ненавистные черты лица. Он стоял, задрав руки на дверной косяк, и медленно покачивался на нем, ожидая моих дальнейших действий. Кивнул кому-то за моей спиной, и музыка снова оглушающе заорала, соревнуясь по громкости с голосами ребят, что пытались петь ей в унисон.

Холодный кивок мне на выход, и я пулей вылетела из кухни, с силой столкнувшись с ним плечами в проеме. Но я этого даже не заметила, так была зла на этого чертового дегенерата, что волей злодейки судьбы свалился на мою голову. Лидка семенила за мной. Вызвали лифт, а меня трясет как ту Каштанку.

В голове бомбят петарды. В крови бурлит серная кислота.

Зашли внутрь, и я смачно выругалась, а потом, движимая минутным порывом, выскочила из железной коробки перед самым закрытием створок, крикнув Лидке напоследок только: «Я сейчас».

А сама к Соболевскому, чтобы высказать все, что я думаю о нем и его выходках.

Стоит в проходе, будто только и ждет, что я явлюсь по его душу. Гад!

Ну, иди сюда, вот она я!

И он идет, на лице улыбка снисходительная. Сволочь!

Подбежала и с силой толкнула его в грудь, а он только схватил молниеносно меня за руку и крутанул, прижимая меня к своей груди. Сильно…

– Пусти! – И со всей дури наступила ему на носок его брендовой обуви. Услышала шипение и злорадно улыбнулась.

– А ты в ту клоаку, как я посмотрю, торопишься, да, Алёнка? Не терпится нажраться? Или хочешь, чтобы тебя поимело невменяемое, обдолбанное тело где-то в грязном вонючем толкане? – сжал он меня еще крепче в своих руках, а потом вообще поднял и без видимых усилий понес куда-то вперед.

– А может, это уже случилась и мне не терпится повторить? – брыкалась я, как спятившая змея.

– А то бы я не знал. – И с силой встряхнул меня.

– Пусти, скотина!

Но он только с ноги распахнул чью-то комнату и ввалился в нее вместе со мной, все так же удерживая меня в своем жестком хвате.

– Пусти! – Со всей дури пнула его по голени, а потом вознамерилась вцепиться зубами в те самые проклятые руки, что сейчас так крепко удерживали меня.

Почти удалось. Но только почти…

– Кошка дикая, – зашипел Соболевский, – отпущу, если успокоишься.

– Хрен тебе с маслом. – И снова извернулась с целью хорошенечко его цапнуть. Но увы.

– Алёна! – гаркнул мой мучитель, да так, что я вмиг сникла и обалдела от собственного поведения.

– Пусти, – уже спокойнее просвистела я, хотя легкие заходились от тяжелого, рваного дыхания, изуродованного обилием адреналина, что поступил в кровь при встрече с этим демоном во плоти.

И он отпустил, а потом отошел к двери и тяжело к ней привалился, смотря на меня во все глаза. Поежилась, затем гадливо отряхнулась, за что тут же получила саркастический смешок. В комнате царил полумрак, а единственным источником света был фонарь за окном.

– Опять за старое? – махнула я в сторону кухни.

– Я себе не изменяю, – осклабился Соболевский.

– Скотина! – закричала я.

– Хочешь туда?

– Ой, да отвали!

– Хочешь? – почти зарычал парень, и я тут же отступила, хотя и сдаваться не собиралась.

– Теперь уже нет. Мне, знаешь ли, противно дышать с тобой одним воздухом. – И еще выше задрала нос.

– Да неужели? – голос хриплый, пустой, безжизненный.

– О, если хочешь знать, то да! Да! Я наслаждалась жизнью без тебя. Ты даже не представляешь, какой это был кайф – идти на учебу и знать, что я не увижу твою мерзкую самодовольную рожу! Каждый день был для меня словно праздник. И вдруг – нате! Явился! И снова указываешь ребятам, дружить им со мной или нет. И это все, на что ты способен?

– Дружить с тобой? Ты думаешь, эти синие дегенераты хотят сейчас с тобой дружить?

– Мне противен ты и твои измышления, – отмахнулась я.

– Противен?

– Черт возьми, да! – бомбануло меня. – Да, ты как бельмо на моем глазу, Соболевский! Ты, вообще, в курсе, что я подумываю о переводе? Только из-за тебя одного!

– Теперь в курсе.

– Терпеть тебя не могу!

– Ну вот видишь, как идеально звезды сошлись! Ты меня терпеть не можешь, а я тебе тут не рад. Давай вали в свою комнату, Княжина, пока я еще добрый! – Вот только комнату не открыл, а все так и стоял, привалившись к ней спиной, хмуро полируя меня своим взглядом.

А потом я вдруг резко успокоилась. Как будто схлынула эйфория моего безумия, и я опустила руки вдоль тела, как-то затравленно озираясь и категорически не понимая, что именно я делаю в комнате с этим парнем.

– Я хочу выйти отсюда.

– Ты знаешь, где выход, – все-таки отошел он от двери и тяжело уперся в комод, что стоял перед выходом.

Я же максимально быстро выскользнула за дверь и припустила в сторону лифта и дальше, прямиком туда, куда было сказано. Хотя желания сделать иначе никто не отменял. Чертов гад!

С того вечера ситуация в группе, да и на потоке, незримо изменилась. В воздухе повисло напряжение, а некогда дружный коллектив начал неумолимо разваливаться. К концу учебного года мы больше не сидели дружно толпой на большой перемене. Нет! Парни вновь обходили меня по широкой дуге. А девочки разговаривали через стиснутые зубы. И нет, травли не было, но это нежелание даже просто нормально общаться повергало меня в уныние. Подойдешь вот так к одногруппнику с невинным вопросом, а он говорит и перманентно на Соболевского косится.

А-а-а, ну вот за что мне это все?

А еще я больше не посетила ни одной студенческой вечеринки за весь мой первый курс. Игра в «Мафию», бутылочку или даже в карты – неважно, меня даже в команду принимать не хотели, ссылаясь на кучу необъективных причин. В клуб на посвящение меня тупо не пустили, аргументируя это тем, что у меня поддельный паспорт – и студенческий тоже. На Татьянин день ситуация повторилась. И вот тогда-то меня и прорвало.

– Лид, у тебя номер Соболевского есть?

– Нет. А тебе зачем?

– Надо! – зарычала я и решительно ринулась в сторону Макова, что стоял в отдалении и давился дымом.

– О, Алёна, привет. – И зачем-то заозирался по сторонам.

– Егор, у тебя номер Соболевского есть?

– Ну есть.

– Дай или сам набери. Очень надо. – И мне в руку тут же вложили телефон, на котором уже шел набор номера моего врага.

А дальше я приготовилась к боевым действиям.

– Слушаю, – услышала я низкий, слегка хрипловатый голос. И меня понесло – не остановить.

– Слушай, ты, ошибка природы! Какого художника тебе надо от меня? Чего ты добиваешься? Какого черта лезешь в мою жизнь и гадишь в ней, сволочь?

– Откуда у тебя трубка Макова? – проигнорировал он все заданные мной вопросы. Вот только и я не лыком шита.

– Какого хрена меня не пускают в клуб, Соболевский? – почти потеряла я контроль от ярости.

– О чем ты, Княжина? – И тихий смешок.

– О том, что ты задолбал меня! На Посвящение меня не пустили в клуб и сегодня тоже!

– У тебя очередной параноидальный бред. Меня не было в Москве на Посвящение. И сегодня тоже нет. Еще вопросы?

– Боже! Чтоб ты провалился!

И я отключилась, сжимая кулаки от перекрывающей все и вся ненависти. А потом обреченно посмотрела на Нечаеву и зло смахнула предательскую слезинку. Ох, никогда этому не бывать больше. Никаких слез из-за этого мудака!

Вот только ситуацию это не спасло.

На вечеринке в честь восьмого марта случился очередной зашквар. Меня просто вывели из помещения, где собрался народ, и староста нашей группы Вера Венедиктова зарядила мне прямо в лоб:

– Алён, нам проблемы не нужны. Иди домой.

Вот такие дела, товарищи. И знаете, я больше не ходила. Предпочитала не позориться. Просто проживала день за днем, стараясь не обращать внимания на парня, что продолжал планомерно и без стеснения пить мне кровь. Хотя, если признаться честно, адски хотелось выцарапать ему глаза.

Хотя самому Соболевскому жилось припеваючи. Там был вообще шоколад. Он был любимчиком не только группы, но и всего потока, если не сказать больше. Девчонки ходили за ним толпами, прямо-таки падали штабелями, когда он проходил мимо них. И менял он своих одноразовых подружек как перчатки. То и дело мы с Лидкой видели, как он повез «катать» на своем темно-фиолетовом Porche Panamera очередную пустую идиотку, клюнувшую на его ядовитый крючок.

И я знала, что будет дальше. Сколько раз я слышала их слезы по закуткам и туалетным кабинкам – не счесть. А потом лицезрела, как эти дурищи семенят позади Соболевского и вымаливают аудиенции. Вот только тщетно. Ходячий кусок ледяной глыбы не хотел их слушать.

Но меня это не трогало. Просто было противно. И девчонок этих мне было не жаль, ну только если одну, с которой я однажды и подслушала разговор, когда немного запамятовала и вернулась в раздевалку перед скрещенной парой физкультуры с другим потоком.

– А ты ему писала, звонила?

– Да! Только по хрену ему. Получил, что хотел, и слился. Маш, чё делать-то? Я так его люблю!

– Добиваться, Свет. Придумать надо что-то!

– Как добиваться, Маш? Как? Если он прямым текстом говорит, что серьёзные отношения ему не нужны. Сердце у него, видите ли, занято. Кем? Кто, блин, эта сучка, что свернула моему Соболю мозги? Узнаю и спущу с нее скальп!

Вот тогда-то я и посочувствовала бедняжке. Но не той, что плакалась подружке. А той, на которую положил глаз Соболевский. И вовсе не потому, что ей планировали выдрать космы. Нет! А потому, что, по моему мнению, быть той, на ком сосредоточил свой хищный взгляд этот демон… ну, смерти подобно, не иначе!

Бедная девочка! Обнять и плакать…

Глава 20 – Против правил

POV Алёна

Первый курс почти подошел к своему логическому завершению. Я получила все зачеты, сдала курсовую на высший балл и вообще была в критической степени довольна собой и своей успеваемостью. Осталось завтра сдать последний экзамен, и можно будет наконец-то рвануть к бабуле в деревню. Я ее с прошлого года не видела, даже на Новый год не ездила. Осталась работать в городе. Хотелось поднакопить деньжат.

А сейчас смотрела с тоской в открытое окно и уговаривала себя зубрить билеты. Я все знала, но оплошать все же боялась, хотелось, чтобы страха перед сдачей не осталось совсем.

А там жара. Скоро пух полетит. Вон на лавке Рита Абрамченко из соседней комнаты целуется со своим очередным новым парнем, который уже почти по локоть засунул руку ей под юбку. Тут же прикоснулась и к своим губам, а потом содрогнулась.

Фи-и-и! Чужой язык у меня во рту? Да застрелиться проще! Я даже представить себе не могла парня, которому могла бы позволить такую вольность. Умереть же от гадливости можно. Ужас! Дикий кошмар!

За спиной хлопнула дверь, и я тут же оглянулась. Лидка пришла с пересдачи. Улыбается – значит, все прошло лучше, чем в прошлый раз.

– Ну и жара! – стянула подруга с себя блузку через голову. – Трояк поставили! Фух, ну и слава богу.

– Поздравляю, – тепло улыбнулась я девушке.

– Вот так бы и мать поздравила, а то уже успела весь мозг мне десертной ложкой выскоблить. Тройка, ко-ко-ко… Но это ладно! Ты мне лучше вот что скажи: ты едешь?

– Еду? – вопросительно прищурила я один глаз. – Куда?

– Э-м-м, ну… на шашлыки. Все едут так-то. Будем отмечать окончание первого курса. Рассылку по потоку сделали часа два назад. Уже и бабки собирают, завтра пацаны закупаться поедут, в чате идут активные споры, кто что пьет. Ну ты чего, Алёнка? – села на кровать Лидка и уставилась на меня во все глаза.

– Шашлыки?

– Ну да. В субботу – это уже послезавтра, если что. – А потом, видя мой затравленный взгляд, осеклась и выдохнула: – Тебя не пригласили, да?

– Нет, – отвернулась я и поджала губы, душа обиду на корню. Нельзя плакать. Нельзя!

Лида еще что-то говорила мне, заполняя эфир совершенно ненужной мне болтовней, а я просто сидела и обтекала, постепенно накаляясь и закипая, как долбаный электрический чайник. Вот и ручка дрогнула в руке, а потом красная пелена окончательно заволокла глаза. Это опять он! Гадский гад!

Как итог, утром на экзамен я шла с самым воинственным настроением, а потому, наверное, и сдала его в первых рядах, да еще и на отлично. Вышла из аудитории и огляделась. Нет, сегодня в общежитие я торопиться не буду. Не гордая, подожду одного знатного засранца.

И он не заставил себя долго ждать, вышел спустя всего несколько минут после меня и двинулся в сторону выхода. Я за ним. Оглянулся, на лице мелькнула еле заметная ухмылочка.

Скотина! Улыбаться он мне тут удумал.

Свернул в сторону библиотеки. Прошел к самому дальнему стеллажу и замер, делая вид, что ищет что-то определённое на полке. Позер хренов!

Пошла мимо и уселась на подоконник, закидывая ногу на ногу и складывая руки на груди. Оглядела его с ног до головы, фыркнула пренебрежительно и выдала:

– Ну что, Никита, почувствовал себя наконец-то мужиком?

Дернулся, и мои губы расцвели от улыбки. Повернул голову в мою сторону, прикусил губу, вскинул брови и… шагнул ближе.

А потом еще и еще.

Пока я вся не натянулась как струна, а его руки не уперлись в подоконник по обе стороны от меня.

– А ты хочешь почувствовать мужика, Алёнка?

Черт! Так близко…

Передергиваю плечами и закатываю глаза, давая ему ясно понять, что я думаю на этот счет.

– Это ты про себя, что ли, Соболевский? – Поигрываю бровями, и он начинает, словно кобра, двигать головой, все ближе и ближе приближаясь к моему лицу.

– А ты видишь здесь кого-то другого? – Нарочито оглядывается по сторонам.

– Да брось. Даже если бы ты был последней мужской особью на земле, то и тогда я бы на тебя посмотрела с отвращением. – А он, вопреки всему, еще больше подается на меня, пока я окончательно не приваливаюсь затылком к окну позади себя.

А потом… Боже!

Я вижу, как его рука медленно тянется ко мне, а затем так же не торопясь расстегивает пуговицу на моей блузке.

Что?

Даю по рукам, но он только хохочет. Хохочет! А потом снова тянет свои грабарки ко мне.

– Алёнка…

Снова даю по рукам, но он все же успевает расстегнуть еще одну пуговицу.

– Надо же, как быстро у тебя пропал дар речи.

Сердце уже грохочет где-то в горле, и я больше не ощущаю себя смелой воительницей, способной дать ему отпор. Пытаюсь отпихнуть его, но он только непринужденно отводит мои руки от себя, а потом… берет их в жесткий захват и заводит их мне за спину, приближаясь ко мне почти вплотную. Я не способна ему противостоять. Он сильнее меня – это факт.

– Ну, что ты там говорила про мужика, Алёнка? Я весь внимание.

– Меня сейчас стошнит, – выдаю я, хотя, признаться, полностью парализована его запахом и мятным дыханием, что почти оседает на моих губах.

– Дальше…

Молчу, упорно задирая нос выше, пытаясь не выдать свою панику и страх.

– Давай, Алён, добивай. Ты же за этим шла за мной.

Не выдерживаю его взгляда. Сдаюсь. Поворачиваю голову вправо, чувствуя, к своему стыду, как он ведет носом по моей щеке. Издевается, сволочь!

– От чего тебя тошнит? От страха? – чувствую я его дыхание на своей шее. Чудовище!

– От омерзения, – сглатывая, выталкиваю я из себя.

– У-у-у, – опять смеется, но руки мои отпускает, делая от меня шаг назад, – такие сильные чувства – и все из-за каких-то шашлыков, Княжина? Еще немного, и я подумаю страшные вещи. Не провоцируй.

Спрыгиваю с подоконника, брезгливо отряхиваюсь и отираю щеку там, где он прикасался ко мне, а потом пожимаю плечами.

– Знаешь, Соболевский, наши отношения вышли на новый уровень.

– Да неужели? – снова смеется он и складывает руки на груди.

– Да. Ненависти больше не будет, Никита. Будет одно большое и необъятное ничто. Ты для меня ничто…

И я вышла из библиотеки с гордо поднятой головой. А потому уехала к бабушке в деревню, уговаривая себя забыть о проклятом Тараканище. И знаете, у меня получилось.

Целое лето я купалась на речке, загорала, помогала бабуле в саду и ходила по грибы, ягоды. А потом, уже в конце августа, разменяв свои девятнадцать лет, я решила, что с меня хватит потрясений. Обмозговала все свои дела и поняла, что переведусь. Приеду в Москву и сразу же займусь этим делом.

Ибо невыносимо!!!

Но… как же я была наивна и глупа…

Глава 21 – Поворот не туда

POV Алёна

Первое сентября второго курса началось с непростого разговора с подругой. Но с чего-то же нужно было начинать. В деканат я сегодня уже сходила, порядок действий для перевода узнала, осталось только начать и кончить, а потом выдохнуть и возрадоваться новой прекрасной жизни, в которой нет места Никите Соболевскому.

– Я буду переводиться, Лид, – села я на свою кровать и оглядела так полюбившуюся мне комнату.

– Дура, что ли? – резко обернулась девушка, а потом воинственно вперила руки в бока.

– Дура, да. Дура, что терпела этого гада целый учебный год. Но теперь с меня хватит! – решительно рубанула я воздух ладонью.

– Вообще, странно, – заметалась по комнате Лидка, – его же на тех шашлыках не было, да и вообще на всех этих вписках Соболь почти никогда не присутствовал. Тогда зачем было и тебе палки в колеса вставлять? Как думаешь?

– Я уже ничего не думаю и думать не хочу. Единственное, что сейчас меня тревожит, – забрать документы и как можно быстрее начать учебу в другом вузе, – фыркнула я.

– Значит, бросаешь меня? – накуксилась Лидка.

– Да при чем тут ты? Мы о моей жизни сейчас говорим или нет? – вспыхнула я.

– Ты права, но… Алёнка, может, за всем этим эпическим трэшем все-таки стоит что-то такое, о чем ты даже не догадываешься? Ну не просто же так твой Соболевский из МГУ к нам перевелся.

– Господи, Лида! О чем я могу не догадываться? О том, что у этого придурка прогрессирующая шизофрения? – окончательно взорвалась я.

И эта дурочка в ответ на мои слова только рассмеялась, а потом подошла и села рядом со мной на кровать, тепло и участливо обнимая меня за плечи.

– А я на права сдала, Алёнка, – неожиданно сменила тему Нечаева, – а еще мне родители за окончание первого курса машину подарили. Не новую, конечно, но вполне себе на ходу.

– Зачем тебе в Москве машина-то? Чтобы всю стипуху на бензин спускать? – закатила я глаза к потолку, не особо разделяя страсти подруги.

– У меня нет стипухи, Княжина, – рассмеялась Лидка, – это ты у нас отличница, а я так, седьмая вода на киселе. А машина нам с тобой нужна, чтобы завтра поехать в «Сосны и ели».

– Никуда я не поеду, – забурчала я, а потом все же спросила: – А зачем вообще туда ехать?

– Будем отмечать начало второго курса. Собирается весь наш поток гулять. А еще говорят, что всю территорию загородного клуба только под нас закроют. Ну ты прикинь! Да и погода какая шикарная стоит, Аленка! Жара, м-м-м. Там озеро большое есть – может, даже искупаться получится.

– Но меня ведь не приглашали, – попыталась возразить я.

– Так никого не приглашали, просто дали клич в общем чате.

– В котором меня нет, – опять насупилась я.

– Зато я есть!

– Не поеду, Лид!

Но подруга мои отрицания даже слушать не хотела, а потом и вообще запилила веским аргументом:

– Это из-за него?

– Да!

– Все равно ты переводишься, Княжина. Так? Так! Ну вот и какая теперь разница, будет там Соболевский или нет. Плевать! Зато оторвешься по полной за все время, что он тебя третировал.

– Ну, я даже не знаю, – заламывала я руки.

– Говорят, природа там просто отпад, м-м-м… Банька, шашлыки, танцы, песни под гитару до утра, ой, Алёнка…

– Думаешь, надо ехать, да?

– Да!

И вот так я, толком даже не поломавшись, клюнула на ядовитый крючок судьбы, который полностью изменил все мои планы на жизнь. Ох, если бы я только знала, к чему это все приведет…

И вот уже я, не думая ни о чем, собираю в небольшую походную сумку вещи для сомнительной поездки, а уже на следующий день, в субботу, ближе к вечеру, мы с Лидкой на ее автомобиле выдвинулись в сторону северо-запада Московской области.

Дорога была неблизкая, и по мере приближения к пункту назначения я все больше и больше сомневалась в правильности своего решения. И так-то не зря! Ведь стоило нам только заехать на ухоженную территорию базы отдыха «Сосны и ели», как перед моим взором предстал тот, кого я от всей души желала не видеть больше никогда.

Но он был здесь, прожигал меня своим черным взглядом, и я пообещала себе, что гадский гад не испортит мне ни этот день, ни вечер, ни отдых в целом. Хрен ему с маслом! А лучше без.

– О, Нечаева, ты притащила с собой свою карманную зверушку? – насмешливо спросил Соболевский, когда мы с Лидой вышли из машины и начали подниматься по ступенькам с сумками в руках.

– У тебя галюники, Никитка, тут никаких животных нет, – осклабилась моя подруга, решительно принимая боевую стойку.

– Лид, остынь. Соболевский сам как сплошной галюник, – устало буркнула я, – не трать свое время и силы на это недоразумение.

Компания парней в ответ на мои слова только переглянулась между собой, а потом любезно пригласила Нечаеву пройти внутрь базы отдыха, чем девушка тут же воспользовалась. А дальше вслед за ней крыльцо покинули и двое друзей Соболевского, оставляя нас одних.

– Х-м-м, смышленая, – протянул мой враг, – зверушка. Команды выполняешь?

Глаза в глаза, и улыбка, полная предвкушения, растянула его идеальные губы. И вновь я на тропе войны, и только одно оружие ударит точно в цель – равнодушие. Я ему его обещала.

– Как ужасно здесь пахнет. По всей видимости, что-то стухло.

И только я хотела последовать внутрь помещения за остальными ребятами, как черноглазое чудовище перегородило мне дорогу и закрыло дверь, наклоняясь к моему лицу, и его слова полились зловещим шёпотом. А я вся замерла как истукан, пораженная его неожиданной близостью и знакомым ненавистным запахом хвои, дуба, бергамота и пряных яблок.

– Тебе здесь не рады, Княжина. Я тебе не рад. Такси вызвать или сама до города доберешься?

Подняла на него взгляд в ожидании продолжения, но заметила только то, как он улыбается. Томно, слегка прикрыв веки, обрамленные пушистыми смоляными ресницами. Но в глубине его глаз не было улыбки, только дикий холод и стужа.

И мне бы послушать его и всего один раз в жизни сделать так, как он хочет. Но нет!

Я лишь поджимаю губы и хмыкаю, отводя взгляд в сторону. Не могу долго смотреть на него. Не хочу. Не буду.

Самоуверенный засранец!

Тычок в плечо, и я успеваю воспользоваться его секундным замешательством, чтобы открыть дверь и проскочить внутрь, напоследок полируя его колкой фразой:

– Да пошел ты!

И бежать быстрее, чтобы отыскать Лидку и спрятаться за ее надежное плечо. Что, собственно, и случилось, стоило мне только войти в главный вестибюль базы, где уже огромной толпой собрались наши однокашники. Кто-то стоял на широкой террасе, кто-то развалился на диванчиках перед ресепшен, кто-то залип у огромного телевизора, что транслировал какой-то футбольный матч.

Я окинула присутствующих взглядом и только потом недоуменно спросила у Лиды:

– Какого черта, Нечаева? Тут от нашего потока от силы половина. И кто все эти незнакомые люди? – Потом заметила чей-то пристальный взгляд и оглянулась, встречаясь глазами со своим прошлым. – И какого лешего тут делает Решетов?

– А кто это? – недоуменно подняла брови Лида.

– Мой бывший одноклассник и… лучший друг Соболевского.

– А-а-а… ну так не все смогли проехать добрых восемьдесят километров от Москвы. А еще… в общем… тут, оказывается, плюсом приглашены студенты из группы, где раньше учился твой Никита, то бишь из МГУ. – И Лидка затравленно посмотрела на меня.

– И? Какого ляда этот гад пригласил на вечеринку только нашего потока ребят, которых никто из нас знать не знает?

– Ну… ты только не рычи на меня сильно, Аленка…

– Резче отвечай, Нечаева, – почти рявкнула я.

Но от ответа девушку спас администратор, который именно в этот момент решил приступить к заселению. И началась суета. А после нее нас, предварительно поделив на мальчиков и девочек, нестройными рядами повели туда, где мы должны были переночевать в этой богадельне.

Нам с подругой досталась комната на втором этаже двухэтажного дома с шестью спальнями, отдельной кухней и террасой с видом на озеро и лес. Красиво, конечно, вот только меня все еще терзали смутные сомнения.

– Лид? – протянула я удрученно.

– Блин, Княжина, вот ты неугомонная вообще. Ну какая разница, кто тут приглашен? Главное же, что вечеринка обещает быть улетной! Ну разве этого недостаточно? – через голову сняла подруга футболку и выудила из сумки свежую.

– Нет, – вздохнула я и подошла к балконной двери, разглядывая красоту за окном.

– Короче, этим местом вроде как владеет отец твоего Соболевского, – почти затравленным шепотом поведала мне Нечаева, и я, откинув голову, в голос застонала.

– Моего, – фыркнула я и гадливо передернула плечами. – Перестань говорить о нем в таком ключе, я тебя как человека прошу!

А потом мы обе услышали, как со стороны пляжа на всю катушку задолбила музыка. Кто-то громко засвистел, а потом и девчачий визг огласил округу.

– Да, я видел немало, но нашёл тебя по глазам, эй, – начала пританцовывать на месте и подпевать популярным мотивам Лидка, а я же только покачала головой и прикрыла ладошками глаза.

– Перестань, – взмолилась я, но подруга только еще громче выводила свои рулады.

– Твой взгляд — это маяк, и я шёл, будто по волнам, м-м, – продолжает кривляться и «поет» в расческу, что выудила из сумки. И я смеюсь в голос от этих ее рандомных дерганий и ничего не могу с собой поделать.

– Ну вот, другое дело, Аленка! Улыбка – это то, что надо. А теперь пошли веселиться.

И мы пошли, минуя тут и там разбросанные домики в скандинавском стиле, беседки и баньки. А потом с восторгом оглядели огромный шатер посреди лесной поляны и почти на берегу озера, с террасой и кучей разномастных плетеных кресел и диванчиков. Внутри играл свой бесконечный трек диджей, сверкал стробоскоп и слепила глаза светомузыка. По полу

стелился туман от дым-машины, и девчонки уже вскидывали руки вверх и трясли костями под громкий бит, выкрикивая без остановки слова нашумевших хитов.

– У-у-у! – заголосила Нечаева и двинулась в сторону танцующих, таща меня за собой на буксире.

И знаете, я отпустила всю себя, а потом и почти под завязку зарядилась всеобщим драйвом. Танцевала. Улыбалась и вообще чувствовала себя свободной. Такой, какой не чувствовала никогда. И да, я ощущала его взгляд, он выскабливал дырку в моем затылке, но мне было плевать!

Фиолетово!!!

Спустя почти полчаса заиграл какой-то заунывный трек, и мы с Лидкой поползли промочить горло. Нечаева набросилась на белое полусладкое, а я ограничилась только газировкой.

– Можно тебя пригласить на танец? – услышала я голос позади себя.

Обернулась и застыла, недоуменно хлопая глазами. Это был симпатичный высокий светловолосый парень. Он смотрел на меня с надеждой и улыбался так приветливо, что я не смогла не улыбнуться ему в ответ.

– Можно, – кивнула я и вложила свою руку в его широкую ладонь, – только предупреждаю, я не танцор диско.

– Оу, такая же фигня, – рассмеялся блондин, – но я подумал, что так у меня будет больше времени тебе понравиться.

И от этих слов я тут же жутко застеснялась, а потом и почувствовала, как щеки и шею заливает румянец смущения.

– Я Денис, кстати.

– А я Алёна, – кивнула я.

– Алёна, а можно пригласить тебя на свидание после всей этой катавасии? В понедельник там или во вторник? Пожалуйста. – И сделал глаза точно как у кота из знаменитого мультфильма.

– Мы только познакомились, Денис! – округлила я глаза от такой прыти.

– Согласен, я напираю. Тогда в среду? – И я рассмеялась, откидывая голову назад и качая головой.

– Я посмотрю сначала на твое поведение.

– Да я агнец божий, – улыбнулся мне парень, и я вдруг поняла, что он действительно нравится мне.

И я позволила вести себя в танце, а потом согласилась выйти на затемнённую часть террасы, чтобы поболтать там без лишнего шума. Два запотевших бокала. Один с колой для Дениса, второй с минералкой для меня. Свет луны и неожиданная вспышка молнии где-то вдалеке.

– Гроза, наверное, будет, – флегматично выдаю я.

– У меня уже. Вот тут. – И парень показывает бокалом себе на грудь, а я в который раз покрываюсь краской смущения. – Скажи, Алёна, у тебя же нет парня?

– Пока нет, – отвечаю я.

– Надеюсь, что скоро будет, – делает он шаг ближе, зажимая меня у перил, и я нервно сглатываю, совершенно не понимая, нравится ли мне то, что сейчас происходит, или нет.

Нет! Однозначно!

Отвожу глаза в сторону, а потом и вообще отворачиваюсь, гадая, как бы побыстрее свернуть мероприятие на этой террасе. Я не готова к таким скоростям. Это все вообще не про меня.

– Алёна! – слышу я окрик от дверей балкона и отчего-то облегченно выдыхаю.

Выпутываюсь из рук Дениса и с удивлением смотрю на Кирилла Решетова, который нервно бьет кулаком в раскрытую ладонь.

– Да? – делаю я шаг ближе к бывшему однокласснику и лучшему другу своего злейшего врага.

– Тебя Лида попросила позвать. У нее там форс-мажор. – И кивнул в сторону выхода с террасы.

– Лида? – хмурюсь я и понимаю, что действительно на какое-то время забыла о подруге.

– Угу. У нее там к тебе капец какое срочное дело. Пошли, провожу.

– А чего это она сама за мной не пришла? Могла бы позвонить или написать, – чувствуя подвох, спрашиваю я, и уже через мгновение мой телефон в заднем кармане джинсов издает характерную возню.

Смска. От Лиды: «Алёнка, ты мне срочно нужна».

– Ладно. Пошли, – согласно киваю я, а потом оглядываюсь на блондина и выдаю ему напоследок: – Еще увидимся, Денис.

И снова я окунаюсь в разноцветные огни и громкий музыкальный бит. Проходим сквозь толпу танцующих, уже разгорячённых танцами и крепкими напитками ребят. По сторонам тут и там замечаю целующиеся парочки. Смущенно отвожу глаза.

Затем мы покидаем шатер, идем по подсвеченной искусственными факелами дорожке через лес и дальше, вглубь базы отдыха. И только я хотела спросить, какого черта Лидка забралась так далеко от основной толпы, как Кирилл остановился, а потом махнул мне в сторону одиноко стоящего у самой воды домика.

– Она там. Поторопись.

И ушел. Я же лишь боязливо оглянулась по сторонам и потопала в сторону воды.

А дальше…

– Лид, – протянула я и судорожно стряхнула мурашки, что только что пробежали по моим рукам. Хотя на улице, на удивление, было по-летнему тепло, только от воды отчетливо тянуло приятной прохладой. Просто все это было запредельно странно, если не сказать больше.

На кой черт Нечаева вообще ушла так далеко от основного веселья?

Оглянулась на домик, но увидела только темные безжизненные окна. Прошла дальше, а потом потопала к пирсу, который заканчивался беседкой с несколькими лежаками и столиками. Дошла, огляделась, но и там не обнаружила ни единой живой души, не говоря уже о подруге.

Может, это очередной тупой розыгрыш в стиле Соболевского?

Очевидно, так и есть. Но почему тогда сама подруга написала мне сообщение? Не иначе как[A37] и ее заставили участвовать в этом идиотском фарсе.

Достала телефон из заднего кармана джинсов и набрала номер Лидки. Длинный заунывный гудок, потом еще один и еще, пока позади меня не послышался голос. Ненавистный. Постылый. Чужой.

Тараканище…

– Она не возьмет трубку, – сказал, а я прикрыла глаза от острого разочарования к себе.

Дура! Конченая кретинка! Как я спустя столько лет издевательств допустила сегодня такой промах?

– Где Лида? – не поворачиваясь к нему, спросила я, чувствуя, как закипаю.

– Немного посидит в темном чулане, – протянул Соболевский, словно обсуждал не живого человека, а мешок с картошкой.

– Скотина, – кинула я на него осуждающий взгляд из-за спины, но он только улыбнулся, а потом пристально всмотрелся в ночное небо, которое только что пересекла яркая ослепляющая зигзагообразная молния.

– Да ладно тебе, Княжина. У твоей подруги замечательная компания, не заскучает.

Окончательно повернулась к нему и только сейчас заметила в его руке корзину, с которой обычно ходят на пикники счастливые семейные пары. Дьявол во плоти и эта чертова корзинка.

Какой-то сюр, не иначе. Но я не собиралась узнавать, что в ней. Может, змеи, тараканы или с пяток лягушек. Плевать!

– Как же ей повезло, в отличие от меня. Но я это сейчас исправлю, – сделала я шаг к нему, но тут же остановилась, потому что и Соболевский молниеносно шагнул в мою сторону. Гад!

– И куда собралась? – осклабился этот упырь.

– Туда, откуда выдернул меня твой прихвостень Решетов. К своей замечательной компании в лице симпатичного блондина Дениса, – выпалила залпом, а потом решительно двинулась на выход из этой западни.

Вот только пирс был не настолько широким, чтобы совершать какие-либо отчаянные маневры, а парень на моем пути был конкретно настроен на то, чтобы еще раз испить моей крови. Кинул корзинку на деревянный настил, а сам резко преградил мне путь. Пришлось тормозить, а потом пытаться обогнуть его внушительную фигуру с другой стороны, но и там меня ждало сплошное разочарование.

– Пусти, – зашипела я.

– Пустить? К Дениске, да? Чтобы уже сегодня он протянул к тебе свои культяпки, а потом и оприходовал где-нибудь на темной террасе, пыхтя тебе в лицо умопомрачительным перегаром? Это твоя голубая мечта, да?

Он наступал на меня, а я отступала, не понимая, за что мне это все. Но дух противоречия уже поднял голову внутри меня, а потому я задрала повыше нос и со всей уверенностью заявила:

– Ага, голубая, Никита. Влажная-превлажная.

Он шумно выдохнул, а я от звука этой очевидной злобы отчего-то улыбнулась от уха до уха. По венам забурлил адреналин. Ведь теперь я знала: эта стычка между нами последняя. А потом я переведусь и навсегда забуду, что в моей жизни когда-то существовало такое недоразумение по имени Никита Соболевский.

– Алёна, – предостерегающее рычание, но я и ему нисколько не вняла.

– О, я уже девятнадцать лет как Алёна. А сказать тебе, сколько лет я ненавижу тебя, Соболевский, и на дух не переношу, м-м?

– Я и без твоей конкретики это знаю, – цедит он и делает еще один шаг ближе, а я с ужасом вдруг понимаю, что мне больше некуда отступать.

– Ну вот и чудесно, Соболевский, очень за тебя рада, что ты у мамы с папой такой эрудированный получился, – выстреливала я словами, точно пулями, совершенно не замечая, как парень будто бы болезненно кривится от моих слов, – а теперь уйди с дороги, меня ждут.

– Денис? – хрипло, чересчур надсадно, но мне уже все равно.

– Да хоть бы и он! Тебе-то что? – бью я его руками в грудь, вот только ненавистный враг резко подается вперед, а потом и прихватывает меня ладонью за шею.

Не сильно, но я неожиданно задохнулась, а потом и потонула в его запахе, потому что он подтащил меня к себе так близко, что наши носы едва не соприкоснулись.

– Что ты позволила ему, Алёна? Он трогал тебя? Целовал? Отвечай! – рычит мне прямо в губы, и мое тело начинает неслабо так потряхивать. Он пугает меня!

Да что там? Я сама себя пугаю! Ведь я знаю, что за нелюдь этот парень, но все равно взялась его провоцировать.

Дура!

– Отойди от меня! – шепчу сбивчиво и сглатываю.

– Ты реально думаешь, что я позволю, чтобы хоть одна мужская рука прикоснулась к тебе? Ты действительно такая наивная дурочка?

Боже, что такое он несет, вообще?

– Отойди! Ты мне противен! – Пытаюсь оторвать его ладонь от своей шеи, но она как будто приколочена. Намертво, черт возьми!

– М-м, противен? А этот прилизанный увалень не противен? Хочешь, я сделаю так, что ему станешь противна ты. Это… будет весело. – Он медленно растягивает свои губы в улыбке, оголяя безупречно белоснежный оскал. Господи, как же я мечтаю больше никогда его не видеть!

– Больной урод!

– Больной, согласен, – качает он головой и вдруг прикасается лбом к моему лбу.

– Ненавижу тебя! – отстраняюсь я, не в силах вынести его близость. Она, словно питон, уже обвила меня с головы до ног и начинает душить. Без шансов.

– Ненавидь, Алёна. Это лучше, чем равнодушие. Ты знаешь? И мне нравится твоя ненависть, – его слова срываются на хриплый шепот, а затем тонут в продолжительной вспышке молнии и последующим за ней оглушительным громом, – сладкая, волнующая, умопомрачительная…

– Что? – захлебнулась я паникой.

– И я хочу узнать, какова она на вкус…

А уже в следующий момент его рот накрыл мои губы, а его язык коснулся моего языка. И стрела запредельного страха прошила мой позвоночник.

Какого черта он делает?

Замычала и попыталась отвернуться, а потом и выпутаться из его рук, но он только крепче ухватил меня одной ладонью за волосы, а второй надавил на подбородок, открывая мой рот еще шире.

Господи!

Я замолотила кулачками по его груди, но он только еще крепче прижал меня к себе, углубляя тот акт, что он совершал своими губами и языком. Поцелуем я это называть категорически отказывалась! Потому что не этому гаду воровать мой первый в жизни поцелуй.

Нет!

И я отчаянно вцепилась ему в волосы, а потом и остервенело их потянула в разные стороны. А затем снова и снова дергала их так, что казалось, еще чуть-чуть – и Соболевский останется лысым на всю оставшуюся жизнь.

Еще один рывок, и он наконец-то отрывается от меня, а потом без промедления получает пощечину, да настолько сильную, что всю мою руку свело судорогой.

– Скотина! – задрожал мой подбородок.

– Алёна. – И снова шаг ближе.

– Не подходи!

Но он не слышит, и новый удар прилетает ему по лицу.

Вот только ему, кажется, плевать на мои потуги, он прет как танк, и я не в силах его остановить.

Господи, боже, что же делать-то?

Пытается схватить меня, но я яростно отбиваюсь. Почти скручивает, но и я не сдаюсь. Завязывается борьба, где я истошно изливаю на него всю свою ненависть:

– Гад! Сволочь! Мерзавец! Подлец! Подонок! Ублюдок! Убери от меня свои руки! Да что тебе надо-то от меня? Отпусти! Отпусти меня, Соболевский!

– Успокойся, – глухо рычит он, но меня уже не остановить.

Я как дикая фурия – вся раскалилась от негодования.

Вывернулась и снова залепила ему оплеуху, а потом разревелась, понимая, что ему мои удары – что слону дробина.

– Алёна!

Окрик. Тычок. Вспышка молнии. Оглушительный раскат грома. Еще один тычок от меня в развороте.

И я вдруг вижу, как Соболевский оступается, а потом и теряет равновесие. Рывок назад от него, но инерция уже тянет меня вслед за ним, а затем мы оба с шумным всплеском погружаемся в холодную воду.

С головой.

Где-то здесь я и увидела очередную ослепительную вспышку света, а затем испытала сильную, почти нестерпимую боль во всем теле, которая сковала меня по руками и ногам так, что я была не в состоянии пошевелиться. Паралич, не иначе. И только руки Соболевского, крепко держащие меня поперек талии, не давали мне скатиться в настоящую агонию.

Но вслед за первой вспышкой сразу же последовала и вторая.

И я окончательно потеряла сознание…

А затем очнулась вновь как от мощного толчка. Резко вынырнула, громко накачивая кислородом легкие, надсадно кашляя и хрипя. А потом замолотила руками по воде, стараясь побыстрее выбраться на берег.

И позади меня уже слышалось сбивчивое дыхание моего злейшего врага. Как жаль, лучше бы он утонул, скотина!

Вылезла на прохладную, покрытую первыми каплями дождя траву и в изнеможении упала на нее, закрывая глаза и рвано дыша. Соболевский тихо ухнул и тоже на кой-то черт завалился рядом.

Всего несколько минут на отдышаться, а потом я открыла глаза и повернула голову. Снова закрыла, потерла пальцами веки и опять открыла. А затем я заорала дурниной не своим голосом:

– Какого черта, Соболевский? Ты мне, что ли, дурь в минералку подмешал?

Глава 22 – Утро вечера мудренее

POV Алёна

От шока и концентрированной паники я упала на задницу, а потом, словно сороконожка, стала отползать от того, что видела. И так все дальше, дальше и дальше, пока не уперлась спиной в ствол дерева. Потому остановилась и со всей дури вмазала себе по лицу, но картинка не менялась, черт возьми, а по-прежнему транслировала одно и то же.

Меня.

Меня! И я сидела на траве, мокрая и обалдевшая, и смотрела на себя во все глаза.

Суматошно окинула себя взглядом, а потом чуть ли не заголосила на полную катушку, но из открытого рта не вырывалось ни звука. Я в немом ступоре смотрела на руки Соболевского, на его ноги. Зачем-то потянула мокрую ткань его брендовых штанов, а потом и толстовку.

Какого черта это все надето на мне?

Еще пара минут молчаливого оцепенения, а потом очередная вспышка света озарила небосвод, а за ней грянул гром, и небеса наконец-то разверзлись над нами. Хлынуло как из ведра, а мое тело – мое, черт возьми, тело – встало и направилось ко мне.

– Не подходи, – хрипло выдала и ужаснулась, услышав вместо своего голоса з

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.